

Георгий Вирен

**ПТИЦА
НОЧЬ**

РОМАН ПОВЕСТЬ РАССКАЗЫ

Георгий Валентинович Вирен

Птица Ночь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22046488
«Птица Ночь» / Вирен Георгий: Э.РА; Москва; 2016
ISBN 978-5-00039-602-5

Аннотация

Этот необычный роман написан в конце 70-х годов прошлого века. За прошедшее время он не подвергался никакой правке. Любителям ретро и тем, кому интересна жизнь рядовых советских людей, – подарок. Потому что это не текст, написанный сегодня по воспоминаниям, а реальный голос из глубины «эпохи застоя». В «реалистической» части романа всё аутентично. Внимательный читатель даже может найти подсказку, которая позволит точно датировать время действия.

Содержание

Слепой метод Мениппея	4
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Георгий Вирен Птица Ночь

Слепой метод Мениппея В соавторстве с Андреем Воронкевичем

Предисловия от не сговаривавшихся между собой авторов

Этот необычный роман написан в конце 70-х годов прошлого века. За прошедшее время он не подвергался никакой правке. Любителям ретро и тем, кому интересна жизнь рядовых советских людей, – подарок. Потому что это не текст, написанный сегодня по воспоминаниям, а реальный голос из глубины «эпохи застоя». В «реалистической» части романа всё аутентично. Внимательный читатель даже может найти подсказку, которая позволит точно датировать время действия.

Что касается «фантастической» части, то в 90-ые годы, перечитывая текст, я думал, что мы написали роман, предвидевший перестройку и её финал. Сегодня мне кажется, что дело обстоит серьезней и речь идет о конце цивилизации.

Впрочем, тут мы не слишком оригинальны, так как об этом писали многие фантасты. Я уверен, что наша цивилизация конечна, – как Империя инков, цивилизации ацтеков, Древнего Египта, Древней Греции, Древнего Рима, – но как это случится? Возможны варианты. Один из них – в этом романе.

Однако есть в нем и ещё одна, может быть, самая важная для авторов штука. В те времена мы были молоды и, как я теперь понимаю, не бездарны. И нам захотелось написать роман в совершенно свободной форме. В политически несвободном обществе мы хотели хотя бы полной литературной свободы. Поэтому мы нагло использовали все виды и жанры. Тут проза, поэзия, драма (включая кинодраматургию), множество литературных аллюзий, намеков, насмешек, пародий, заимствований, подражаний... Короче, полным-полно беззлобного литературного хулиганства. Книголюбы, надеюсь, оценят.

И, как положено в мениппее, рядом с юмором, иронией, смехачеством – драмы, трагедии, полный серьез... «Здесь всё есть, коли нет обмана...».

Конечно, есть и обман. Ведь без обмана разве бывает литература?!

Георгий Вирен 2015 год

Я не перечитывал этот роман лет тридцать. Сейчас, перечитывая, испытывал одновременно несколько разнонаправ-

ленных комплексов чувств. С одной стороны, постоянное раздражение от того, как мало и плохо мы тогда умели. Часто хотелось злобно рассмеяться над неудачной фразой или пошлым пассажем. С другой стороны, постоянно внутренне крикалось от восхищения: как много мы, оказывается, понимали тогда, какие у нас были мыслительные и, собственно, словесные потенциалы! Но ёлки-палки, как слабо воплотились эти потенциалы в нашей реальной жизни!

Подобное столкновение чувств присуще жанру трагикомедии. Так я бы и предлагал воспринимать сегодня роман – слепок нашего тогдашнего мироощущения – с горы сегодняшнего опыта. Между прочими термин «застой» появился значительно позже, да и Оруэлла я лично прочитал только лет через пять после написания романа. А трагикомичность своей жизни, а может быть, и жизни всего нашего поколения, смог ощутить сознательно гораздо позже, когда сам начал потихоньку превращаться если не в динозавра, то в мастодонта.

И ещё одно. При сочинении этого романа я, пожалуй, впервые ощутил, что такое чувство подлинной творческой свободы. По-моему, соавтор тоже искренно веселился, когда мы придумывали какой-нибудь новый поворот или жонглировали, на грани пародии, классическими формами. Это было здорово! И это была школа. Жаль, что это никогда больше не повторится в нашей жизни. А с другой стороны – что ж, пусть этот роман навсегда останется уникальным сочине-

нием двух небесталанных мальчиков прошедшего тысячелетия.

Андрей Воронкевич 2015 год

Тут все есть, коли нет обмана.

И черти и любовь, и страхи и цветы.

П. А. Фамусов, русский государственный деятель конца XVIII – начала XIX веков

31 декабря

Рабочее название – Цепь

(фантастическая игра)

Значит, опять с Нового года начинаю новую жизнь. Может быть, теперь будет удачней? Сколько раз уже начинал, какие были замыслы! Уж в последние годы я так остепенился – избави Бог! – а всё равно... Даже «Высоту подвала» не стали печатать, а ведь, казалось бы, там всё на месте – и тема рабочая, и доскональные знания условий работы в котельной, и конфликт передового рабочего и начальника цеха показан очень жизненно – а поди ж ты! Говорят – схема. Невысокий художественный уровень... Уровень – он вроде планки при прыжках в высоту: взял – не взял... Только там всё понятно, а здесь... Искусство!

А «Разговор по душам»? Всё, ну просто всё было, как надо! Газеты кричали: «Не раскрыт ещё образ новой деревни в нашей литературе!» И я раскрыл. Три лета сидел в де-

ревне, как Меньшиков в Берёзове – всё записывал, всё подмечал... И опять – «недостаточно высокий художественный уровень»! Что они, сговорились?! А может быть, я сам виноват? Теперь – всё. Буду писать не про нашу жизнь, хватит с меня. А уровень... Буду свои мысли облекать в форму, которая давно признана высокохудожественной – поди-ка, придерись! Вот, например, начнём так. Ну как в «Слове о полку Игореве»: «Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повестий о пълку Игореве, Игоря Святъславлича?» Нет, пожалуй, трудноовато; сам не понимаю, а читатель и подавно... А как там в летописи... «В лето 6694, месяца мая в первый день, на память святого пророка Иеремии, в среду к вечеру, бысть знамение в солнце и тёмно бысть весьма вельми, яко и звёзды видети...» Ничего. Немного посовременней, пограмотней – и пойдёт.

Из «Повести родственных смут»
...Лето 1632 от сотворения мира

Был Великий Совет глав общин в Священном лесу. И уговорились на нём противостоять елико возможно родственной смуте, объявившейся в лето 1631 на юге Острова. А семьи, несправедливо созданные, уговорено было разогнать. И порешили главы общин паки блюсти землю, где родились и живут, как заповедано от предков, и не поддаваться прельстительным уговорам тщеславцев, хотящих порушить Закон...

Нет, не пойдёт. Скучно и непонятно. С другого надо начинать.

«Вы вновь со мной, туманные виденья,
Мне в юности мелькнувшие давно...»

Хорошо? – хорошо, но не для меня. Во-первых, я пишу прозой. Во-вторых, уж очень не про меня.

Надо брать быка за рога.

«Мы стояли в местечке N». Или ещё короче: «Пообеда-ли» (Чехов). Одной первой фразой всю суть книги можно охватить! Классическое: «Все счастливые семьи...» и т. п. Но ведь в фантастическом романе важна обстановка. Читателю объяснить надо, где и когда дело происходит. Например, так, хоть и не фантастика: «Велик был и страшен год по рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй». Обстановка есть, а героя нет!

Ещё пример: «Невесомей полушки была фамилия – Иванов. А имя огромное, как Россия – Иван. Ивана Иванова убили в Петровско-Разумовском». Обстановки мало! Может быть, вот так: «Так как ни одна леди и ни один джентльмен из числа хоть сколько-нибудь претендующих на благовоспитанность не удостоят своим вниманием семейство Чеззлвитов, не уверившись наперёд в глубокой древности их рода, то нам чрезвычайно приятно сообщить, что они несомненно

происходят от Адама и Евы и с незапамятных времён имели самое близкое отношение к сельскому хозяйству»...

Ладно, Георгий, хватит юродствовать! Шутки в сторону.

В Будущее они не смотрели.

Страшен был степными ураганами 77-й год Родни, от Сотворения же Мира 1725, но везти труп в Столицу кому-то всё равно надо было, и Ашот вызвался на это сам: убитый был его братом. Безродных в Столицу не пускали, и у её ворот Ашот показал шлемоносцу сандаловую бляху третьего шурина Бати Старательности.

Потом Ашот отнёс труп в Квартиру. Ни он сам, ни служители понятия не имели, зачем труп понадобилось везти в Столицу, да и приказа такого никто не отдавал. Однако труп приняли, сделали нужную запись, и Ашот с лёгким сердцем уехал из Квартиры.

Здесь, любезный читатель, мы навсегда расстаёмся с Ашотом, чтобы встретиться с подлинным героем повествования.

ЯСАВ (сон)

«...Демоны, демоны лесов моих, демоны тишайших моих лесов, простите, что нарушил покой ваш, что шёпот мой так громок, что след мой на траве лёг, что глаза мои тайны ваши видят, демоны лесов моих...»

Ну вот, опять Раиса Павловна злится, что на Новый год

опоздаем. Эх, если бы не ходить туда вовсе! Снова эти её подруги – Штанинникова, Ягодкина – курицы проклятые: «Мохер, кримплен, недостача, Сочи, ревизия, балык, всё подорожало, пансионат на Клязьме, Тихонов – душка...» Тьфу! А Славка опять напьётся и будет кричать, что он почти генерал-лейтенант, только звёзды поменьше, а его никто не уважает, и сейчас он будет по мордАм гулять... А ты молчи, сиди, как мумия египетская, жуй телятину и пей, пока влезает... Тошно мне, тошно! Небошь, Гоголь не в такой обстановке творил. Иду, иду, одеваюсь, куда я денусь...

2 января

ЯСАВ (явь)

Это имя носил человек, проснувшийся однажды весенним утром 77-го лета Великой Соединённой Родни. 77 лет назад возникло здесь, на цветущей земле Материка, это государство возникло на совершенно новых началах, которые призваны были вывести народ Материка из состояния дикости и скудоумия. Великий пророк Лианафан тогда был сожжён за свои проповеди, – может быть, только он мог представить себе ранее, насколько могущественной станет Великая Соединённая Родня уже на семьдесят седьмом году своего существования. Могущество её было так велико, земли так богаты, а поля так плодородны, что люди Родни привыкли к мысли о её вечности – не только в будущем, но в прошедшем.

– Великая Соединённая Родня жила и будет жить вечно! – провозглашали каждый день Вестники, и с ними были согласны все, за исключением немногих отщепенцев-говорунов.

Согласен с этим был и Ясав, пятый шурин Бати Справедливости, проснувшийся однажды весенним утром 77-го лета.

Ясав жил в столице Родни, в прекрасном городе, поражающим странников и торговцев своими домами из жёлтого камня, своими площадями, вымощенными редким серым камнем, своими запретными садами, которые лишь в немногих местах выглядывали за стены зелёными ветвями.

В Великой Соединённой Родне вообще очень заботились об охране природы. Не случайно почти половина родственников Дома Справедливости ведала переписью птиц, зверей и даже цветов. (Вторая половина собирала исключительно Добровольные Ежегодные, Ежемесячные и Еженедельные Приношения, а также Исключительно Добровольные Пожертвования за окна и очаги).

Ясав занимался составлением Неукоснительных Советов по охранению комаров. Он был ещё молод, но достаточно честолюбив и старателен, и ему предстояло ещё долгое и славное продвижение по ступеням Родства. И – кто знает? – так думал иногда Ясав, – может быть, со временем его сочли бы достойным места самого Бати Справедливости или хотя бы его Первого Сына.

В этот день Ясав, как всегда, надел свою сандаловую бляху – знак пятого шурина – и вышел на улицу. На службу он попал вовремя и даже успел на всякий случай кивнуть сынку Liaхиму, – поговаривали, этот сынок почище любого Бати услужал Дому Дружбы.

До обеда Ясав, как обычно, трудился над формулировкой Неукоснительного Совета, который предусматривал три степени почтительности по отношению к комарам: для недостойных, худородных, Любимых Родственников – и одну степень равноправия, для членов Семьи.

Перед обедом, опять же, как всегда, Ясав пристойно внимательно выслушал последние новости, а потом пристойно долго поболтал о том, что, Слава Родне, через четыре дня закончится очередная Великая Беременность Великой Бабушки и что протекает она натуральным образом, о том, что, Слава Родне, с девяти часов вечера вступает в силу Неукоснительный Совет о единовременном распускании всех листьев, а также прочей зелени, – Великая Родня умела заставить слушаться даже природу, – о том, что, Слава Родне, исполнилось уже три месяца со дня окончания 86-й Великой Победоносной Войны с Гнусным Врагом на Каверзном Острове и, наконец, о том, что, Слава Родне и Великой Бабушке, сейчас, как и прежде, действует Всеродственное Осуждение и Неукоснительный Запрет Геликоптерного Умствования, а вся Родня, как и раньше, понятия не имеет о том, что это такое, но бдительности, как и раньше и даже ещё больше, не

теряет.

Сегодня Ростик пришёл злой. Он всегда приходит злой в день получки. Эх, Ростик, Ростик! Не любят его на службе. Уже несколько лет, именно в этот день, в сортире обязательно появляется надпись: «Счастливо посидеть, князь Беломоро-Балтийский» – и как раз на уровне глаз. Жена моя, Раиса Павловна, сначала осмеливалась спрашивать: «Опять?», но он так страшно менялся в лице, что я попросил её не делать этого. Всё равно видно, что опять.

Правда, сначала Ростик относился к этому с определённым азартом. Он рассказывал нам, как «перетряхнул своих писателей», – подчинённых у него двое, оба писари, а он как бы старший, – а потом всю часть с помощью других прапорщиков. Никто, конечно, не сознался. Десяток призывов сменился с тех пор, а надпись всё появляется. Сам, в общем-то, виноват. Действительно, смешно и длинно: Ростислав Георгиевич Неворин-Новокузнецкий. Давно мог он избавиться от одной половины. Это его мать надоумила, жена моя, Раиса Павловна. Да он весь в неё...

Так вот Ростик сегодня пришёл злой. Он, конечно, здорово поддал со своими всегдашними «однополчанами», но не в этом дело. В «круглые даты» он тоже поддаёт, но приходит весёлый. Тоже, «круглые даты» – грустно это, грустно.

Сегодня, например, и я, и Раиса Павловна знаем, что осталось ему 5 113 дней – дата некруглая. Через 13 дней будет

малое веселье, а ещё через 100 – большой загул. В календаре на каждом листке цифра стоит. Он уже точно решил, что будет делать на пенсии: рыбалка, пиво и палец о палец ни-ни. Это в сорок-то пять лет! Молчание, как говорил литературный герой, молчание!..

Ох, что-то, Георгий, не весел ты сегодня, и даже просто вял. Ведь решил давно, что такая жизнь даже упоминания не достойна, не то что описания. Ведь плюнул давно на них, а вот как застопорится фантазия, так сразу на это болото и сворачиваешь: привычка графоманская руке покою не даёт.

Ну правду сказать, сегодня скандал у них был – из ряда вон. Когда-то жена моя, Раиса Павловна, Ростика прямо у КПП с получкой караулила. С годами, конечно, пыл поубавился, да и он уже не молоденький: за себя постоять может.

Она его дома теперь ждёт. Я в их разговоры вмешиваться не могу, поскольку сам как бы на иждивении у жены. С моей-то зарплаты я бы давно ноги протянул, а подрабатывать перепечаткой ленюсь, за что, правда, Раиса Павловна исправно мне выговаривает.

Сколько Ростик получает, не знает никто. Раньше Раиса Павловна знала, что у них какие-то сложные прибавки за выслугу. Сколько он приносит, я не знаю. Знаю, что всегда они после этого кричат. Он же сначала пройдёт в комнату, переодеется в тренировочный костюм, – он его называет «спортивной формой», – умоется слегка, поставит чайник, и уж потом начинает кричать. Я давно понял, что в портфеле он

приносит с собой четвертинку и прячет её в своей комнате, чтобы мать не отобрала. Я как-то случайно наткнулся на целый склад пустых бутылочек за его тахтой – время от времени он их сдаёт, днём, во время своих отгулов, когда матери нет дома.

Так вот, кричат они минут тридцать-сорок. Иногда Раиса Павловна называет его «негодяй», иногда больше упирает на «эгоиста». Ростик же всегда кричит о размене квартиры – знает, что мать ни за что не разменяет нашу трёхкомнатную, которую с таким трудом выцарапала.

Потом я слышу, как Раиса Павловна считает деньги, швыряет тарелку на кухонный стол и уходит, а Ростик крадётся за четвертинкой. Потом он бухается спать, а из комнаты Раисы Павловны ещё долго будет слышен телевизор... цветной!

Так было и на этот раз, только Раиса Павловна разбила две чашки, а Ростик стучал кулаком по холодильнику. Это бывает не так уж часто. Обычно они спокойней.

Единственное, чем я горжусь, – да и горжусь ли? – Ростик работает даже быстрее меня, а я первоклассный специалист...

ЯСАВ (явь)

...И всё было бы, как всегда, но именно в этот день повернулось колесо судьбы Ясава (да и, скажем уж сразу, всех жителей Родни), повернулось в первый раз, чтобы потом поворачиваться ещё, ещё и ещё, всё убыстряя свой ход.

Итак, в тот самый момент, когда Ясав уже собирался идти за Ежедневным Обеденным Жетоном, занавес в комнате неожиданно распахнулся. Под оглушительный грохот гонга вбежали шесть шлемоносцев и заняли свои места по углам комнаты, вытолкав взапой всех родственников, кроме Ясава. Из-под чёрно-пурпурных плащей заблестели золотые рукоятки узких ножей. Медные лица, неподвижные глаза и приближающийся визг гонга. Всё ближе и ближе!

Ясав упал на пол, закрыв лицо руками. За что, Великая Бабушка, за что?!

Внезапно гонг затих. Медленные, тяжёлые шаги услышал Ясав в мёртвой тишине. Шаги прекратились. Кто-то встал над ним.

– Рескриптом указано: пятого шурина Бати Справедливости Ясава незамедлительно доставить в Квартиру Семьи!

Опять завизжал гонг, безжалостные руки схватили Ясава, подняли, набросили на лицо вонючий мешок и потащили по коридорам. Кто-то из несших Ясава споткнулся, мешок на мгновение слетел с его головы, и последнее, что он увидел в этом Доме – была чистая улыбка Лиахима.

Ясава бросили в носилки, они качались, качались, качались, а у него не было никаких мыслей, кроме одной. Его везли в Квартиру. Оттуда Великая Бабушка и сонм её блистательных родственников – Сыновей, Дочерей, Зятьёв, Племянников – правят Великой Соединённой Роднёй. За что, Ясав?

Анири? Неужели Анири?

4 января

ЯСАВ (сон)

«... Чистые реки мои, ручьи и заводи, синие озёра лесные, я, чужестранец, пришёл к вам по воле своей и вашей, примите меня в изгнании моём. Я вхожу в ваши воды, чистые реки мои, свежие капли на моих руках, на лице, и я пью их, и глаза мои наполняются вашей синевой. Быстрые потоки мои, унесите всё зло рук моих, всю ложь глаз моих, весь яд сердца моего, унесите далеко-далеко, за край леса, за грань мира, за предел жизни моей. Тихие заводи мои, недвижимые мои заводи, смойте всю ненужность рук моих, незрячесть глаз моих, всю темноту сердца моего. Напоите меня, щедрые ручьи мои, напоите силой вашей, добром вашим и мудростью. Я пришёл за судьбой, синие озёра лесные, чистые воды мои...»

Но ведь это было, было, было! Впрочем, сколько раз ни повторяй как заклинание, воскресить ничего нельзя, да и не нужно теперь. Те страницы я порвал. Юность моя похоронена дважды. Сначала годами, а потом мною самим.

Тогда, за полками нашей заводской библиотеки, я судорожно, лихорадочно воскрешал не остывшее прошлое, и лица друзей вставали передо мной. Ребята толкались вокруг меня, говорили, перебивая друг друга, а я записывал – просто как стенограф. Вечеров не хватало – меня гнали из

библиотеки, и Серафима Павловна улыбалась насмешливо: «Спать иди, писатель».

А они приходили во сне, и ночи было мало, чтобы успеть записать всё.

Что это было? Теперь и не вспомнить... знаю только, что правда. Всё, что видел и пережил я в эвакуации, на уральском заводе, и что было потом, уже в Москве – всё превращалось в слова. В них было много грязного снега, был холодный туман цехов, металлическая изморозь, были пайки того, что мы благоговейно называли хлебом, и были детские наши мечты, очень простые и неосуществимые: мир, любовь, тепло. Мы были равны перед будущим, о котором не знали ничего, и оттого сны наши были одинаковы.

А потом – так страшно! – моё скудное прекрасное прошлое стало стопкой бумаги, и чужие руки перебирали страницы. Я писал о своей надежде и вере, а чужой голос отвечал: «Сейчас, в период восстановления советской экономики, нет нужды обращаться к тяжёлому прошлому. Подмечайте ростки светлого будущего в наших буднях. Учитесь у лучших писателей – Павленко, Бабаевского. Вы читали?» А я не читал, я жил и писал про то, как жил, потому что не мог не писать и хотел, чтобы все знали, как мы жили, не забыли об этом. «Надо содействовать мобилизации масс, увлекая их положительным примером», – голос был ровный, без интонации, как у вокзального диктора. Я не верил ему.

Я верил себе, и чистые голоса прошлого не стихали. Толь-

ко время шло, и чужой голос всё так же монотонно повторял необходимые слова, и он становился громче, а я стал глухнуть. И не знаю, как случилось, что я подчинился ему, не поверив.

Есть простые ответы: мальчишество, страх, честолюбие, слабость, и есть такое сплетение нервов души, что всякий, даже самый сложный и умный ответ покажется оскорбительно примитивным, и потому лживым.

Да я и не пытался понять себя: жизнь подхватила меня с юности, меняла свои картинки как в калейдоскопе, удивляла, завораживала. Только теперь пробую я понять хоть немного, но почему-то меня тянет подводить итоги. А я не хочу. Я ещё ни в чём не разобрался как следует, и то, что написал полчаса назад, готов опровергнуть и зачеркнуть. Юность моя похоронена? Чушь! Пока я жив, вся моя жизнь со мной и вчерашний день в памяти стоит наравне с детством. Те страницы я порвал? Бред! Давно сказано – рукописи не горят! Какие, к чёртовой матери, итоги?! Вперёд, Георгий!

5 января

ЯСАВ (явь)

– Ну здравствуй, сынок. Да ты встань с пола-то. Вот так. Теперь садись. Гранат, персик, бетель? Всё же бетель? Не бережёшь ты своё здоровье, Ясав. А оно ведь нужно Семье... Да шучу, шучу... В твои годы, сынок, мне и плантации бе-

теля на неделю не хватало. Давай, что ли, и я с тобой по-
жую... Отошёл? Ну что ж – познакомимся. Я Римовалс, Пер-
вый Сын Бабушки... Да не надо на колени! Поднять его! Эх,
нервный народ пошёл... А ты, Ясав, насколько я помню, пя-
тый шурин Бати Справедливости. Доволен? Ну для молодого
человека это не предел. Тебе сколько – 33? Ещё расти и
расти. Не кричи, зачем эти формальности?! Тихий час у нас
– перебудуешь всех. Женщины, сам понимаешь... Кстати о
женщинах. Давно видел Анири?

**ПИСЬМО ОТ АНИРИ, ПЕРВОЙ ДОЧЕРИ НЕДОСТОЙ-
НОГО ВОСЬМОГО ПЛЕМЯННИКА ВЕЛИКОЙ БАБУШ-
КИ ЯСАВУ, ПЯТОМУ ШУРИНУ БАТИ СПРАВЕДЛИВО-
СТИ.**

Проверено Домом Дружбы Отдалённой Родни.

Проверено Домом Дружбы Центральной Родни.

Хвала Великой Бабушке за её мудрость и человеколюбие!

Дорогой Брат Ясав! Я так давно тебя не видела. Наш ре-
бёнок уже ворочается вовсю, и все говорят, что это мальчик
– такой пряткий.

Великая Бабушка поистине дальновидна в своих мило-
стях. Ведь если бы мой отец не попал в недостойные за ша-
лости и распутство, я жила бы не в Отдалённой Родне, а в
Квартире, и ты, приехав на Берег, не встретил бы меня, и я
бы не знала тебя, а даже если бы мы чудом встретились, на-
ши положения были бы слишком неравны.

А сейчас я с нетерпением жду, когда пройдут роды и ещё два месяца, чтобы мы могли соединиться законно. Я уверена, что наш малыш будет признан полностью здоровым и его оставят жить для процветания Великой Соединённой Родни, а я вернусь в Столицу. Если бы ты знал, как я жду этого! Я уже говорила с достойным Батей Требором из нашего Дома Дружбы, и он пообещал мне своё покровительство. Так как мой отец, недостойный, умер от лихорадки, я могу надеяться на прощение. Наверное, мне разрешат вернуться в Столицу, как только мы с тобой поженимся. Требор обещал мне это!

Ну вот, мой милый, и все мои новости. Я, как всегда, тружусь на просеивании песка. Дни становятся длиннее, и мы во славу Родни работаем всё больше и больше.

Если сможешь сделать это без вреда для того важного дела, которым ты занимаешься – приезжай ко мне в ближайший день отдыха. Думаю, сможем поговорить.

До свидания, брат Ясав.

Хвала Великой Бабушке за её мудрость и человеколюбие!
Сестра Анири, Дочь Недостойного».

– Я вижу, ты опять испугался... не стоит, сынок. Мы желаем тебе только добра. Ты хочешь жениться на ней?

– Да, но я не понимаю, почему вы...

– Дело в том, что Анири, как-никак, дочь члена Семьи. Хоть и недостойного, но всё же... Не бойся, мы не хотим разлучить вас.

– Но что же тогда?

– Э, пустяки! Великая Бабушка решила простить участников того старого дела, по которому осуждён отец Анири. Ты молод, наверняка не помнишь этого, да и ни к чему тебе эти дразги. Анири нам нужна как свидетель. Правда, тогда она была мала, но может кое-чем помочь правосудию. Мы быстро отпустим её. Понимаешь, дело деликатное, семейное, не хотелось бы лишнего шума, огласки, кривотолков. Съезди, сынок, за ней, привези тихонько. Лады?

– А это не будет?..

– Никогда!

– Ради Великой Бабушки...

– Да брось ты! Старайся ради себя – так оно лучше. Договорились?

– Я готов.

– Поедешь ты Третьим Шурином. Если всё будет удачно – получишь орден «За Старание». Это – минимум. А там посмотрим...

– Когда ехать?

– Вот это по-нашему, по-деловому, молодец, брат Ясав!

– Брат?! Чем заслужил?

– Всё впереди. А теперь иди, выбери себе пару бизонов в загоне и выезжай. К утру будешь на месте, а завтра к вечеру жду тебя с Анири. Успехов!

13 января

Старый Новый год мы не отмечаем. Лет 10 назад я, было, заикнулся, что, мол, хорошо бы так, по-семейному посидеть, выпить, то да сё. Но Раиса Павловна только фыркнула: вот ещё, глупости, суеверие!

Глупости так глупости, а всё-таки настроение у меня в этот день особое. Не то чтобы праздничное и даже не всегда приподнятое, но какое-то не будничное. Бывает и светло, бывает и грустно... И чего-то хочется... Чего? Чего тебе надо-то, Георгий, потешный ты человек! «То ли севрюжины с хреном, то ли конституционной монархии!» Это я оттого сегодня в хорошем настроении, что начал писать мой роман, и кажется, что-то начинает получаться и, может, станет он моим Посланием?..

...Дописываю за полночь: меня прервали. Выключилось отопление, и температура в квартире упала до восьми градусов. Ну Раиса Павловна, естественно, сразу за телефон; туда-сюда звякнула, кого-то обругала, кому-то пригрозила, и вот – пожалте! – обещали всё срочно исправить. А меня она послала в котельную, так сказать, проконтролировать. Спустился. Там наш котельщик Федот Ефимыч, душа-человек, со своими причиндалами возится. Уголёк подбрасывает, на манометр глядит... И надо отдать ему должное: он в очень достойном состоянии. Как говорится, «не то, чтоб очень пьян, но весел бесконечно». «Здорово, говорю, Ефимыч, что стряслось?» А он так загадочно отвечает: «Давление шалит». Помолчал и объяснил ещё более туманно: «Оно

завсегда шалит, как морозы вдаряют»... Ну я не стал добиваться подробного объяснения. Чего мне встравать, если человек и так работает – только мешаться. А он, наверное, от моей компании ещё веселей стал и запел: «Эх, то ли ещё будет, то ли ещё будет, то ли ещё будет, ой-ой-ой». Может, он намекал на что?..

Я вернулся домой. К часу ночи температура поднялась до 15-ти градусов, и я снял пальто. Но всё равно холодно.

...Так на чём же я остановился? Ага, на Старом Новом годе! Есть в этом празднике интересный подтекст: мол, что ни новый год, то и старый. Потому что ничего не бывает в нашей жизни совершенно нового. Всё старое, всё было, было, было...

«...ибо в Законе сказано: «Да живёт каждый по родине своей». Тщеславцы же сии несправедно толкуют, будто родина есть не земля предков, а родня, и потому взывают расторгнуть общинные узы и сойтись по семьям: сын к отцу, брат к брату, племянник к дяде. И на юге Острова семь десятков землепашцев, объявив себя «племянниками», захватили землю множество, а иных общинников, не полюбив, прогнали взащей и назвали худородными. Так же и другие тщеславцы облыжно сказались роднёй и множество земель захватили, а общины порушили. И порешили главы общин пойти на сих прелестников войной и погубили их большое число, а прочих привели к Закону.

...Лето 1638 от сотворения мира.

На третий год недорода случился на Острове великий глад. И множество людишек померло, а иные совсем в нищету впали и покинули земли свои, ища пропитания. А иные тщеславцы стали говорить, будто беды случились оттого, что Закон не блюли и жили по общинам, а не по семьям. И смута велика бысть.

Был Великий Совет глав общин в Священном лесу, и послушались их люди и прогнали тщеславцев, а многих утопили. А хлеба в сиё лето уродилось вдосталь.

...Лето 1641 от сотворения мира.

В сиё лето жито уродилось семь раз, и сошла на людей благодать и прославили они ЗАКОН, и расцвели общины.

...Лето 1643 от сотворения мира.

Ходил по Острову некий тщеславец Лианафан и вновь проповедовал общины порушить, а сойтись по семьям. И за то сожжён».

ЯСАВ (явь)

...Неяркое предвечернее солнце освещало и пыль на дороге, и холёные бока бизонов, влекущих повозку из чёрного дерева, и человека, казалось, дремлющего на ней, и его склонённую голову и руки, чутко держащие поводья; а солнце,

медленно спускаясь к горизонту, всё удлиняло и удлиняло тени бизонов, и повозки, и человека, пока не растворило их в сером пространстве степи.

Человек не замечал ничего.

«... Смеющееся лицо Анири, на белый песок набегает лёгкая пена волны и уходит, смывая следы, и Анири, освещённая солнцем, бросается вслед за убегающей волной и настигает её, падая в море с шумом и взрывом брызг, а Римовалс улыбается отечески и говорит: «Брат!», и эхо этого слова несётся по коридорам Квартиры, отражаясь от мраморных стен и множась, множась, и уже звучит повторенное стократно: «Брат, брат, брат!», и угодливо склоняются служащие Дома Справедливости, и шёпотом: «Третий шурин, третий...», и расступаются шлемоносцы, меднорожие, в кроваво-чёрных плащах, и по высокой лестнице навстречу мне бежит белобрысый парень, так похожий на меня, прыгая через три ступеньки, бежит ко мне мой сын».

«Неужели всё это может оказаться обманом, – думал человек, – непонятной интригой, где у меня лишь маленькая, жалкая роль?» Ещё и ещё вспоминал он лицо Римовалса... «Кто мог подумать, что он так прост и добр, – думал человек, – нет, он не обманул меня, не мог обмануть. Семья действительно не хочет огласки. Анири зря всегда так боялась своих великих родственников – её отец был из обиженных, вот он и привил ей все предрассудки говорунов».

«Смогу ли я, – сомневался человек, – управлять людьми с

таким же достоинством, с такой же простотой? Третья категория обязывает...» Человек улыбнулся, предвкушая, как он выставит пинком под зад Сынка Лиахима – слишком прыток, теперь он сам себе будет глаза и уши, а Лиахим пусть идёт в уличные вестники...

Бизоны удивлённо задёржали ушами: человек смеялся. Анири никогда, никогда больше не будет работать, её кожа не будет трескаться от песка, а глаза – слепнуть от напряжения! Никогда!

И – снова Анири бежит по воде, по морской пене, по путанице водорослей и кричит, захлёбываясь ветром, кричит неразличимые слова, и я, не слыша себя, отвечаю ей что-то, а волны гладят песок, и кажется им, что следы пропадают навсегда. О Анири, Анири! Мы возвратимся в столицу на повозке из чёрного дерева, и бизоны не посмеют лениться и помчат нас через просторы степей, через овраги и реки, сквозь чистый, юный, солнечный лес, и это будет наше свадебное путешествие...

Человек привстал в повозке и огляделся по сторонам. В сумерках, за границей степи, приближалась полоса леса. Солнце почти скрылось – шёл десятый час, час распускания листьев. Повозка подъехала к лесу. Человек всмотрелся. Что-то было не так. Ближнее дерево было голым, таким же голым, как и две недели назад, когда он проезжал здесь в прошлый раз. Человек сошёл с повозки и медленно, увязая в придорожном мхе, направился к лесу. Голые, голые сучья,

голые и сухие, как прошлогодние поленья! Человек бросился в чащу, стал хватать одну ветку за другой – они обламывались, и в его руках оставались сухие прутьики. Ещё долго метался человек по лесу, безнадёжно касался ветвей, но везде была та же сушь, та же безжизненность, та же пустота.

Листья не распустились.

И все длинные часы темноты человек гнал повозку через этот мёртвый стылый лес.

14 января

ЯСАВ (сон)

Высокие кроны мои, счастливые мои деревья, золой и углём вернёмся мы в землю, убитые и убийцы, одним прахом станем. И новые деревья взойдут над нами...

Хорошо я всё придумал, и герои мои мне нравятся. Но иногда – не пишется да и всё. Не пишется про задумчивого Ясава, про ещё не понятную Анири, про радушного Римвалса, про дома из жёлтого камня под неярким вечерним солнцем – не пишется!

И вырисовывается на бумаге некая Татьяна Сергеевна, существо, может быть, и более реальное, но гораздо менее интересное, чем мои милые герои. И мелькает иногда крамольная мысль: что какая она, к чёрту, более реальная, если все её приметы – штемпельная подушечка да чернильница-невыливайка с фиолетовыми чернилами... Нехорошо го-

ворю, зло, но вот такая у нас служит женщина.

Сегодня прихожу на работу – навстречу, как всегда, её кислая мина. Она мне, по-моему, немного завидует: раньше работала по моей специальности, да у неё не пошло.

– Неворин, – говорит, – вас к начальнику.

Начальник у нас бреет голову наголо, а усы наоборот – отпускает. Рубашки носит с вышитыми воротниками, а говорит примерно так:

– О, – говорит, – це добре! Прошу, Георгий Андреевич, зробить тую цедулю, бо сегодня маю доклад...

Он, кстати, вовсе не украинец, а просто после войны жил в Запорожье и теперь ему почему-то нравится говорить: «Мы, козаки». Ну не странен кто ж! (Вот опять сбиваюсь на описание постылого! И откуда эта жадность такая?!)

Включил я аппарат, сам же вроде исчез. Взгляд налево, руки на клавиши – и нет меня... И времени нет, ничего нет. Будто кто-то другой на моём месте. И трудно понять, кто из нас счастливее: я, которого нет, или он, сросшийся со стулом? Слепой метод... Кто из нас слеп – я или тот, другой? Или оба мы вполне зрячи, а язык лжёт, насмешничает? Слепой метод – гарантия безошибочности. Может быть, назвать его камертоном правды?..

И никогда ни одной опечатки. Я этому методу ещё в армии обучился. Уж как меня на сверхсрочную звали – не пошёл да и баста. А Ростиквотостался...

Ну-с, через час с небольшим – работу на стол начальни-

ку, вилку из розетки (у меня на службе «Оптима» электрическая, дома-то – немецкая, электрическая же с переделанным на русский шрифт).

Только собрался улизнуть – слышу прелестный голос Татьяны Сергеевны. А перед её окошком молодой человек стоит.

– Вашу квартирную книжку!

– Да в прошлый раз смотрели уже!

– То в прошлый раз было, ещё в старом году! Как паспорт терять, так ничего, а тут все образованные ужасно... Почему за январь квартплата не уплачена?

– Честное слово, уплачу, послезавтра получка.

– Вот уплатите, тогда и приходите за паспортом.

Я смотрю, молодой человек сатанеет, а Татьяна Сергеевна, наоборот, как бы расцветает.

– Вот так, – говорит и даже улыбается почти кокетливо.

– Я уже три раза с работы отпрашивался, – говорит молодой человек, а губы у него прыгают.

– Надо порядок знать!

– Да кому это нужно, что ж я, за квартиру не плачу, что ли?

А Татьяна Сергеевна ещё нарочно его паспорт раскрыла, перед окошком повертела, да и в сейф. Эх, думаю, упустил парень момент, мог бы сейчас вырвать из рук, и дело с концом. Был такой случай при мне года два назад. Но этот, видно, слишком воспитанный: понурился, бумажки свои собрал

и в дверь.

– Тяжёлый народ! – Татьяна Сергеевна даже из комнатки своей вышла и закурить у меня спросила.

Дал я ей закурить и скорее оттуда на свежий воздух, на мороз, на снег скрипучий. Пока дошёл до дома, успокоился, и всё бы ничего, но жена моя, Раиса Павловна, придя домой, объявила, что на ужин опять будут мозги. Я их ненавижу, а она любит, да к тому же к ним в столовую их каждую неделю присылают.

Вот так настроение и сломали. Сидел-сидел, и милых моих героев ни увидеть, ни услышать не смог. Ничего, Георгий, ничего...

...Новые кроны раскинутся, новые листья зашепчут... И семена упадут в землю, обернутся побегам, и снова набухнут почки, и распустятся листья, и так будет всегда, пока живёт зелень, пока дышит лес...

Станьте моим домом, высокие кроны, крепкими стенами станьте, дубы мои, крышу сложите мне, вязы, упадите мне под ноги, липы... Пусть жена и сын мой войдут в наш дом, вечный дом, зелёный дом под высокими кронами...

А ладно, зовут есть мозги!

15 января

АВОВ (явь)

За долгий жаркий день вода прогрелась до глубины, и теперь, когда удлинившиеся тени предвещали зябкий вечер, Авов вошёл в бассейн с наслаждением. Он не терпел холода.

Авов вздохнул как можно глубже и, задержав дыхание, погрузился в воду с головой. Некоторое время он лежал без всяких мыслей, превратившись всем своим дряблым телом в ненасытное, сладострастное животное, наслаждающееся теплом. Затем он вообразил себя крокодилом и немедля задался вопросом: отчего это у них, крокодилов, спина совершенно жестка, а живот, напротив, замечательно мягок? (Это Гоголь, Гоголь! – Г. Н.) Эта мысль занимала Авова, пока он не почувствовал удушья и, выскочив из-под воды, не начал жадно хватать губами сладкий воздух начала весны. Успокоившись, он посмотрел на небо.

Низкое позднее солнце висело над столицей Родни, и длинные изъеденные ветром облака лишь на мгновение затмевали свет, а потом уходили, и он снова стелился по плоским крышам города, по узким улицам из жёлтого и белого камня, по редким запретным садам, убежищам от пыли и вони города, и свет устремлялся в степь, к морскому берегу, отсюда далёкому, недоступному, почти невозможному.

«Ничего, ничего, всё будет хорошо, всё будет исключительно замечательно и столь же прелестно, всё поправится и всё пройдёт, без сомнения, навсегда пройдёт, конечно, всё будет хорошо...»

Так утешал себя Авов, хотя наверняка знал, что ничего

хорошего не будет, потому что в этот вечер с еле слышными хлопками разорвутся миллионы почек, и из них стремительно рванутся в ночь листья, листики, листочки, миллионы зелёных листьев, и к утру весь материк покроется их цветами и запахом, и мир утонет в весне.

И с этого же утра на Второго Зятя Бабушки, Высочайшего Члена Семьи, Ответственного за Банные Покои Квартиры, обладателя шести орденов За Мудрость, двух За Храбрость и трёх За Старание, с этого же утра на несчастного, обиженного судьбами Авова обрушится унижительная, постыдная болезнь: его благородное лицо покроется язвочками, из ноздрей побегут потоки склизкой влаги, а глаза – глаза достойного Семьянина! – станут слезиться, как у распоследнего бетельщика.

И женщины отвернутся от Авова. И жизнь его на всё время цветения станет бессмысленной.

Авов, покряхтывая, вылез из розовой воды и по мозаичному полу пошёл к покоям, где ожидала его любимая ласковая массажистка, бесподобная Анеле.

Он лёг на скамью, подставив свою спину ударам и поглаживаниям, и привычно застонал под первыми, нарочито грубыми щипками, с трепетом ожидая, что сейчас они кончатся, и он забудется сладкой дремотой в ласковых руках. Вот сейчас, сейчас Анеле станет мягко гладить его спину, бока, потом живот... О, счастье!

А потом будет то, что происходит всегда в это время дня.

Авов задремлет и в полусне ощутит губы Анеле и щеко-
чущие острия её груди... Ох, счастье! Не меньшее, может
быть, чем ежедневный обед из 18-ти редчайших блюд.

Завтра, завтра начнётся гнусная болезнь, и долгие весен-
ние дни Авов уже не будет испытывать такого наслаждения,
оно будет отравлено насморком, язвами, тяжёлой мигренью.

АВОВ (сон)

«На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, коро-
левич, сапожник, портной, кто ты будешь такой?»

Да, да он тоже знает эту считалочку! Он тоже хочет за-
кричать, не то запеть и побежать за Алимдюлой, вообще-то
ябедой и задавакой, но с такой косой, с таким огромным бе-
лым бантом на затылке! Когда она убегает от него, бант под-
прыгивает в кустах, как бабочка. Он не видел таких огром-
ных бабочек, может быть, поэтому ему так хочется догнать
Алимдюлу.

Ужасно хочется дернуть за ленточку, так чтобы бант раз-
вязался и ослабла тугая коса. Алимдюла заревёт, глаза стан-
нут маленькими, а рот большим. «Всё скажу!» – заорёт она,
и он знает, что она действительно сегодня же за обедом всё
расскажет своей матери, а та придёт жаловаться, но это ему
почему-то совсем не страшно.

Может быть, потому, что когда она отрвётся, она сядет
где-нибудь на пне, перекинет остатки косы через плечо, рас-
пустит волосы, а потом будет долго сидеть и старательно

переплестать прядки, пока не сведёт их в тугой золотистый хвост. И глаза у неё снова будут большие, зелёные, как пруд, в котором они ловят на удочку пиявок.

А он не будет смотреть на неё, он будет бегать вокруг и хлестать палкой по кустам, сшибая листья, но мешать ей не будет и, хотя даже не поглядит в её сторону, всё-всё увидит: и большие зелёные глаза, и золотистый длинный хвост.

«Догоняй, Авов!» – Алимдюла уже далеко...»

25 января

Я хочу, чёрт возьми, чтобы с каждым днём у меня связывалось что-нибудь хорошее – хотя бы ассоциации. Ан нет – такой хороший день, Татьянин день... ну-с, а что я могу про него сказать? Татьяной зовут мою ужасную сослуживицу. Как сейчас помню, Татьяной звали нашу учительницу по биологии – несусветную дуру и злую бабу. Эх, бедный Пушкин!..

С другой стороны, 25 января – день рождения магаданского дяди Штанинниковых, который присылает им красную икру. И каждый божий раз, садясь за стол у них, я слышу: «Кушайте икорку, чай, непокупная, это дядя наш прислал из Магадана, он всегда присылает, ну уж приходится ему к двадцать пятому января тоже что-нибудь соображать... Но как икорка-то!»

И нет у меня даже такого воспоминания, которое есть у всякого, учившегося в университете: Татьянин день – начало

каникул, Татьянин день – студенческий день...

Ну почему, почему я никогда не был студентом? Почему нет и не было у меня хорошей знакомой, которую звали бы Татьяна? Почему? Эх, Георгий!..

АВОВ (явь)

Авов проснулся. Он долго лежал с закрытыми глазами и ждал знакомого отвратительного ощущения – щекотания в носу: с этого начиналась болезнь. Так, не открывая глаз, он пролежал час. Ничего не произошло. Авов потянул воздух обеими ноздрями – дышалось легко. Осторожно провёл пальцами по лицу – оно было гладким, совершенно чистым и, казалось, ещё хранило следы поцелуев Анеле. В уголках глаз не было слези и чесать их не хотелось. Всё было как вчера, всё было в порядке!

Шлёпая босыми пятками, Авов кинулся к зеркалу. В нём отразилось румяное, свежее, любимое лицо. Оно было слегка испуганным – и только. Ничего не понимая, Авов высунулся из окна, опасливо принюхался – и тут увидел, что единственное росшее во дворе дерево стоит без зелени, как и всю зиму. «Может быть, день распускания листьев перенесли? Но как же я этого не знал? Вчера ведь предвещали... И никто не предупредил... Неужели прозевал, Великая Бабушка?!»

И только бедный, хоть и высокородный Авов успел ощутить радость, смешанную с обидой, как услышал особый

тройной стук – так вызывала Бабушка. Открылась дверь, вошёл гонец – дежурный по Квартире красавец Лиинад – и с поклоном протянул свиток папируса.

– Хорошее утречко выдалось, сынок, – сказал Авов, развёртывая послание. «Авовчик, душка, забеги ко мне на минутку. Твой Римовалсик». И Авов пошёл по длинным мраморным коридорам Квартиры к Первому Сыну Бабушки.

– Привет, рахат-лукум моей души!

– Хе-хе, хорошее утречко выдалось, Римовалсик.

– Ну конечно, ты всё о своих болячках печёшься – тебе хорошее. Мало о государстве думаешь, Авов. А тут дела совсем невесёлые. Сумасшедший дом, а не Родня. Представляешь, мало нам вчерашнего выкидыша, сегодня почему-то ни один листок не распустился! Бабуся готовит речь к народу – вот до чего дошло!

– Да, надо же...

– Мы тут решили комиссию создать – надо разобраться в этой истории. Боюсь, говоруны нам пакостят... А ты как думаешь?

– А может быть... может быть, это мятеж недостойных?

– Это ещё как?

– Сорвали все листья и хотят опорочить Бабушку!

– ...Да, умён ты, братец. Вот ты и будешь председателем комиссии. И если это мятеж... Верно ты, однако, догадался.

– Да уж я тут...

– Мы тебя знаем – ты постарайся. В помощь тебе дадим

Старшего Брата Земель Муана. Он парень толковый, хотя и умствует много. Ты ему воли не давай. Он тебе будет там про всякие законы рассказывать да теории разводить – ты не очень его слушай. Главное, сам сказал, мятеж выявить.

– Надо – значит выявим.

– Ещё дадим Старшую Сестру Дерев Агни. Что она будет говорить – слушай и записывай. Потом лично мне доложишь. И ещё будет с тобой Старший Брат Делов Йердна. Это мужик верный, с ним во всём советуйся. Ясно?

– Ясно...

– Вижу, вижу по лицу, что не нравится тебе работа. Тебе бы всё с Анеле барахтаться! Ну ничего – послужить с твоим брюхом тоже не помешает. А сделал дело – гуляй смело! Успехов!

26 января

ЙЕРДНА (явь)

– Здравствуй, Римовалс.

– Садись, Йердна.

– Ну что, листики разволновали?

– Напрасно шутишь. Думаю – пришёл наш час.

– Видишь, я был прав в прошлом году. Если б тогда выступили, эти листики нам бы сейчас – ох! – не с руки были!

– Ладно, мемуары потом. Я создал комиссию – на базе Дома Изучений. Сейчас говорил с этим бараном Авовом, назначил его руководителем. Подкинул ему идейку насчёт мя-

тежа – он теперь таких дел наворочает! И Бабушка будет довольна – она дураков любит.

– А кто ещё?

– Я выбрал Муана и Агни. На Муана, этого умника, свалим всю вину за провал работы комиссии. Потом уберём его.

– И раскроем историю с вертолётом?

– Конечно. На Семейном Совете это будет лишний козырь против Бабушки. И вообще – уничтожим эту машину. Нечего мечтать о других мирах!

– Отсюда и всё умствование в народе...

– Теперь Агни. Баба – сволочь, но нам нужна. Сам понимаешь: поддержка Неугомонных Матерей – ещё один козырь.

– А если она заупрямится? Уберём. Таких противников нам не надо. Кстати, если Авов будет очень мешать – можешь и его тоже.

– Ну и работёнку ты мне подвалил!

– Ты что – не хочешь быть Первым Сыном Бабушки? Ради этого стоит потрудиться! Или моё место тебе не нравится? Извини – выше ничего не могу предложить... Кстати, а что ты сам-то думаешь насчёт листьев?! Что с ними случилось?

– Да уж, наверное, есть причины... Впрочем, не в этом дело.

– Ну они хоть распустятся, как считаешь?

– А куда им деться?

– Вечно ты темнишь... Ну ладно, успехов!

«Успехов... Конечно, тебе нужны мои успехи. В Семье все мастера чужими руками жар загребать... Значит, так: начальный этап ясен. Я – Первый Сын. Правда, кое-что мне уже не нравится. Геликоптер? Ладно, сначала посмотрим Истинные Описания моих новых друзей. Кого мы там будем убирать? Муан...»

«Муан – год и место рождения неизвестны. Примерный возраст – 50 лет. Рост – 6 локтей. Глаза голубые. Первый Сын Бати Изучения, Старший Брат Земель.

В 56-е лето Правления Бабушки обнаружен преданными Сынками Дома Дружбы Отдалённой Родни близ Побережья. Рядом были найдены обломки неизвестного предмета (Опись см. 61 свиток Истинного Описания) Утверждал, что прилетел по воздуху с якобы имеющего место быть Иного Материка. Заподозрен в Дружбе в пользу Гнусного Врага и с 56-е по 60-е лето провёл в Рекреациях Центрального Дома Дружбы для выяснения обстоятельств. В 60-е лето выслан на Болото и привлечён к работе по охране пиявок и аистов. В 62-е лето задержан по обвинению в нарушении Неукоснительного Запрета Геликоптерного Умствования. С 62-го по 65-е лето вновь находился в Рекреациях Центрального Дома Дружбы. В 65-е лето по Личному Рескрипту Великой Бабушки (ЛРВБ) отправлен в Дом Изучений. В 67-е лето назначен Сыном Бати Изучений. В 70-е лето по ЛРВБ назначен Старшим Братом Земель Дома Изучений без повышения степени

родства. За отказ занять эту должность с 70-го по 72-е лето провёл в Рекреациях Центрального Дома Дружбы. В 72-е лето означенную должность занял. С тех пор ни в каких занятиях не замечен.

Подозревается в Дружбе в пользу Гнусного Врага, дважды повинен в Геликоптерном Умствовании, виновен в попытке отказа от должности, обладает говорунным образом мышления, является особо опасным Преступником, находящимся под Личным покровительством Великой Бабушки.

С 10.00 до 12.00 каждого дня совершает длительные прогулки в одиночестве. Неоднократно замечен в уклонении от прослушивания Ежедневных Великих Вестей.

Видит цветные сны запретного содержания».

«Да, да, теперь я всё вспомнил! Я ещё был Сынком, когда мы с ним первый раз встретились на допросах. Помню, он ещё плохо говорил на нашем языке. Упорный мужик – за два года на Болоте построил Геликоптер. Одного до сих пор не знаю – кто о нём доложил Бабушке. Если бы в 65-е лето она его не вытащила – пожалуй, он и сейчас бы ещё сидел в Рекреациях. Ну создала ему условия. Конечно, материалы превосходные, рабочих куча – отличная машина получилась. Римовалс был на испытаниях, рассказывал. Муан говорил, что она может лететь 10 часов – больше, чем иная птица... Дурак Римовалс – хочет её сломать. Ну этого я, конечно, не допущу... Муан и другую хотел сделать, но тут уж

Бабушка вмешалась. С испуга сделала его Старшим Братом Земель – подальше от неба. Царственное остроумие... Пожалуй, теперь Муан нам не нужен. Тут Римовалс прав. Что ж, займёмся Агни...»

«АГНИ, родилась в 42-е лето Правления Бабушки. Рост – 5 локтей. Волосы рыжие, глаза зелёные. Первая Дочь Бати Изучений, Старшая Сестра Дерев, Первая Матрона Сообщества Неугомонных Матерей.

Дочь Худородного Золотаря Акшапа из Юго-Восточной Родни. В 63-е лето вышла замуж за Пятого Племянника Бати Справедливости Ялока и переехала в Столицу Великой Соединённой Родни. В 66-е лето после кончины супруга вследствие судорог вышла замуж за третьего Зятя Бати Удовольствий Кидэ. В 68-е лето после кончины супруга вследствие судорог по ЛРВБ назначена Второй Дочерью Бати Изучений и Старшей Сестрой Дерев. В 75-е лето по ЛРВБ назначена Первой Матроной Сообщества Неугомонных Матерей как имеющая сорок трёх отпрысков. В 71-е, 72-е, 74-е и 76-е лета по ЛРВБ пожалованы поместья в Центральной Родне.

В 71-е лето полностью защищена по ЛРВБ от гнусных подозрений в отравлении супругов.

Говорунного образа мышления не имеет.

В потреблении бетеля замечена. К мужчинам пристрастна.

Видит цветные сны сомнительного содержания».

«Единственное, что эта баба сделала за свою жизнь хорошего – её знаменитый состав. Как сейчас помню: гной крокодила, мозг бешеной обезьяны, сок мухомора и утренняя моча осла в равных пропорциях на стакан морской воды. Ни цвета, ни запаха – можно нюхать, можно так пить! Смерть от судорог в течение недели обеспечена. Десять лет мы этим составом пользовались. Правда, сейчас есть и поновее – Изучения идут вперёд. А ей теперь уже яды не нужны. Бабушка за неё горой. Бабушка ведь тоже человек, не без слабостей... Да, с ней будет трудно, но без поддержки Неугомонных Матерей нам с Римовалсом не обойтись. Да и мне потом они пригодятся. Глупейшее собрание глупейших баб, но там все влиятельные женщины Родни. Без них никуда. Помню – обхохочешься! – был случай. Приехала одна дурочка из Отдалённой Родни и стала доказывать, что у неё действительно 43 отпрыска, как положено по Уставу Сообщества. Так эти бабы её так запутали, что она вконец рехнулась и объявила себя бесплодной. В этом Сообществе у половины вообще детей нет. Например, у Агни. Ну, заплатила, конечно, немало. Опять без Бабушки не обошлось. Политическая поддержка Агни... Ладно, в постели договоримся. Других разговоров она не признаёт...»

У Йердны был хлопотливый день. Он ещё долго вызывал к себе то одного, то другого сына, раздавая многообразные

поручения, ездил по Столице, побывал и в вонючих притонах, и в благоуханных дворцах, в ничем не примечательных домах встречался с ничем не примечательными людьми, провёл полчаса на докладе у Бати Дружбы и час у его любовницы, а потом послал длинный свиток папируса Римовалсу и сразу же получил от него ответ. И на уклоне дня он ещё сидел за своим столом и что-то писал, ожидая, что скоро появятся носильщики и отнесут его домой, где был уже накрыт скромный ужин, приготовленный матерью. Так начал Йердна самое важное дело своей жизни.

ЙЕРДНА (сон)

Странное, странное привиделось ему. Какая-то равнина, белая, белая, ослепительно белая, как будто бы песок, но совсем не песок. Над горизонтом огромное солнце, но не жарко, нет, скорее, холодно. А впереди... впереди какие-то ямы, они тянутся слева направо, они почти в рост человека, и в них стоят люди, много людей. И он видит только их затылки. Люди смотрят за горизонт.

Йердна ползёт по этому странному белому песку, и песок обжигает его холодом. Но ему надо, обязательно надо добраться до этих людей, которые упрямо смотрят в белую, тревожную пустыню. Он знает, чего они ждут, и так же, как они, со страхом слушает звуки, тяжёлые звуки, приближающиеся из-за горизонта.

Йердна не гонит страх, он знает, что это бесполезно. Так

же бесполезно, как попытаться повернуть назад, предать этих людей, чьи тёмные затылки видит он посреди белой пустыни...

27 января

ЯСАВ (явь)

«Ну где же Анири?» – спросит Римовалс. («Не забывай, что если меня возьмут в Квартиру, мы не сможем видеться. У меня есть снадобье, которое вызывает сыпь на теле») – «Она больна», – отвечу я.

«Что с ней?» – спросит Римовалс. («Все подумают, что у меня песочная болезнь и побоятся беспокоить меня до родов. В прошлом году у нас была страшная эпидемия») – «У неё песочная болезнь», – отвечу я.

«В каком она состоянии?» – спросит Римовалс. («Скажешь, что пока есть сыпь на теле, болезнь заразна. Когда сыпь проходит, бывает, выздоравливают») – «Она не впустила меня к себе, боялась заразить», – отвечу я.

И тут он скажет: «Я пошлю к ней лучших врачей Столицы. Она нужна нам немедленно» – И что я тогда ему отвечу, о демоны! Зачем я послушался Анири, зачем?! («Я не знаю, в чём дело, но чувствую, что я в опасности. Выдумка о прощении преступников – только уловка, я уверена в этом. Отец рассказывал мне о Семье – эти люди никогда и никого не прощают... Они отнимут ребёнка, а нас – нас могут даже убить») Что я ему отвечу? – Не знаю. Неужели Анири всё-

таки права? Не могу поверить. Но она так убеждена, так боится... Придётся врать до конца...

В свете утреннего солнца мёртвый, безлиственный лес пугал человека ещё больше, и он гнал бизонов по пыльной дороге, нещадно стегал их бока, понукал их неразборчивым криком, стараясь заглушить в себе страх перед неотвратимым разговором в Столице. Но солнце упрямо поднималось вверх, укорачивая тени, и вскоре кончился лес, и под колеса легла степь, промелькнувшая мгновенно, и человек увидел Столицу».

А дочтёт ли кто-нибудь до этих страниц? Утомительная мешанина эпизодов, разноречивой стилистики... Ведь чего ждут от фантастики – остренького сюжета с понятной моралью: «уважайте труд роботов» или «берегитесь пришельцев». Или же – прозрачных намёков, подмигивания из-за угла, кукишей в кармане. Но что же делать, дорогие мои, если всякая мысль о человеке сложна. А я пишу о человеке. И сюжет – остренький, да с двух концов, и мораль понятна, да не так, и кукиши есть, да не в ту сторону – и всё потому, что фантазия моя стоит на земле, на прекрасной нашей круглоголовой Земле.

Так что бросайте в сторону это сочинение. Дальше будет ещё хлеще. Вперёд, Георгий!

29 января

ЯСАВ (явь)

– Слушайте, слушайте речь Бабушки! Слушайте все! Слушайте великое обращение Бабушки к народу! Милые дети, сказала Бабушка! – разносились по всей Столице голоса вестников.

– Три месяца назад наши доблестные молодцы нанесли сокрушительный удар Врагу, сказала Бабушка! Эта Великая Победа неслыханно укрепила Великую Соединённую Родню! Для Родни наступило время спокойствия и благоденствия. Она вновь стала цветущим краем! Но Гнусный Враг на Каверзном острове не оставляет своих коварных поползновений, сказала Бабушка! Мы узнали, что опять он готовится к нападению. Но теперь мы дадим ему последний, сокрушительный отпор! Милые дети, храбрые молодцы, готовьтесь к 87-й Великой Войне с Гнусным Врагом. Батам уже отданы соответствующие распоряжения, сказала Бабушка! В трудный час, как всегда, нам поможет моя Семья и я сама! Все мои домочадцы, преодолевая невероятные трудности, помогают мне в Великой Беременности.

А мы сделаем всё, чтобы завершить её достойно, сказала Бабушка! Милые дети! Борьба с поползновениями врага потребует от нас всех ужасного напряжения сил. Просто ужас, как надо нам с ним расправиться, сказала Бабушка! И в эти дни мы не в состоянии тратить время ни на что другое, просто ни к чему нам это, милые дети! Поэтому я приняла Великое решение, сказала Бабушка! Мы не распустим листья

до окончательной победы над Гнусным Врагом! Правильно я говорю, детки, сказала Бабушка!

– Ура! Ура! – кричали вестники, и этот крик подхватили толпы, собранные на улицах.

Повозка из чёрного дерева остановилась у Квартыры.

– Наконец-то, – сказал Римовалс, поднимаясь с кресла. – Ну а где же Анири? Вводи её.

Ясав начал сбивчиво рассказывать о том, что произошло с Анири, но Римовалс даже не дослушал до конца.

– Пойдём, – сказал он. – Будешь говорить с Бабушкой.

Ясав вытер пот.

Тридцать шесть лестниц миновали они и два перехода, пока не подошли к резным сандаловым дверям, прошли их, а потом прошли дверь, сверкающую драгоценными камнями, а потом – обитую шёлком, а потом – украшенную сияющей бронзой, и на всём пути вытягивались перед ними шлемоносцы. Наконец они очутились у обычной двери, выкрашенной белой краской. Шлемоносцев подле неё не было.

– Дальше пойдёшь один. Входи.

Ясав оказался в совершенно пустой комнате с крашеными полами. Ясав рассудил, что пристойнее всего было бы лечь ничком на пол. Так он и сделал, не успев как следует осмотреться. Он услышал, как Римовалс запер за ним дверь и полностью предался в руки судьбы. Так он лежал долго, ожидая услышать шаги, но ни звука не раздалось вокруг.

– Здравствуй, Ясав, – неожиданно прозвучал над ним

мужской голос. Ясав осторожно поднял глаза.

В двух локтях от своего лица он увидел корявые ступни с жёлтыми ногтями, волосатые ноги в старческих прожилках и край серого хитона из грубого полотна.

– Здравствуй, Ясав, – повторил мужской голос, и Ясав взглянул в лицо говорившего.

Он увидел лысоватого старика с кустистыми бровями и носом-пуговкой. Старик беспокойно потирал давно небритые щёки.

– Вставай, детка.

Ясав поднялся, машинально отряхнул колени.

– Не бойся, у нас чисто. Я – Бабушка.

– Какая Бабушка? – растерянно пробормотал Ясав.

– Великая, сынок, – укоризненно ответил старик.

– Вы...

– Да, да – я. Видишь, сынок, какое доверие мы тебе оказали. Теперь ты знаешь главную тайну Семьи. Понимаешь, настоящая Бабушка, та самая, великая, основательница Родни, умерла уже сорок лет тому назад. Но народ-то привык к ней! Вот Семья и решила – оставить всё, как было. А пост Бабушки занял её сын. Так и пошло. Я уже седьмой Бабушка. Согласись – неразумно нарушать традицию.

– А как же Беременность?

– В этом-то всё и дело. Сам понимаешь, я-то рожать не могу. А ведь каждый год надо! Опять же традиция. Первая-то Бабушка сначала исправно рожала. Раз сорок, по-мо-

ему. Пришлось сохранить обычаи. Решили так: баб в Семье полно, каждый год какая-нибудь на сносях. Ни разу осечки не было. А в этом году как получилось: одну выбрали – на тебе, выкидыш! У запасной – семимесячный, мёртвым родился. Спасибо Римовалсу – вспомнил про Анири. Ведь у нас закон есть, неписанный, но твёрдый: баба любая, но обязательно из Семьи. Чтобы не раздувать штаты – постов не так уж много. Теперь понял? И ничего страшного нет – Анири вернём в Квартиру, тебя введём в Семью... Что, не ожидал? Э, да тебя ноги не держат! Пошли сядем, что ли?

В углу комнаты была ещё одна дверь, окрашенная под белый цвет стен – Ясав не заметил её сразу. Эта комната резко отличалась от первой. Все четыре стены, пол и даже потолок были обиты голубыми коврами с длинным мягким ворсом. В углу, на потолке, прямо над широким ложем, накрытым шкурами не то ягуаров, не то барсов, висело огромное зеркало. На шкурах лежало с дюжину кошек. Посреди комнаты находился стол, уставленный глиняными сосудами разной высоты.

– Присаживайся, дорогой... – кивнул Бабушка на одно из кресел около стола и повернулся к кошкам: – Кис-кис-кис-кис...

Ленивые кошки не отозвались, и тогда Бабушка, недовольно хмыкнув, подошёл к ложу, взял за шкуру толстого белого кота, поднёс его к столу и посадил между сосудами. Держа кота, чтобы тот не удрал, свободной рукой Бабушка

налил в деревянную плошку сок из ближайшего сосуда. Кот пить не захотел. Тогда Бабушка ткнул его несколько раз носом в плошку и сбросил со стола. То же самое он проделал с грациозной серой кошечкой, только сок налил ей из другого кувшина.

– Теперь подождём, сынок, – сказал он растерянному Ясаву. И подмигнул. – На кого ставишь?

– Не понял... Виноват, – промямлил Ясав.

– Сейчас поймёшь! – засмеялся Бабушка с некоторым злорадством. И действительно – не прошло и минуты, как серенькая кошечка странно зашаталась, упала на ковёр и испустила дух. Толстый белый кот невозмутимо посмотрел на неё, облизнулся в последний раз и снова вскочил на ложе.

– Вот всегда так, – вздохнул Бабушка. – Мне этот толстый подлец давно надоел, да везёт ему, уже две недели не попадается... А кошечку жалко... – Бабушка, кряхтя, наклонился, поднял умершую и швырнул её в открытое окно.

– Видишь, – обратился он к Ясаву, – это мои внуки развлекаются. Хорошо им, малолетним, современных медленно действующих ядов не достать... – В то же окно Бабушка выкинул сосуд с отравленным напитком.

– А теперь выпьем, – весело сказал Бабушка и налил из второго сосуда сначала Ясаву, потом себе. – Неплохой сок. Ты такого ещё не пил...

Ясав не почувствовал вкуса, только пересохшей гортанью ощутил холод напитка.

– Нравится?

Ясав кивнул.

– То-то же! А теперь сознавайся, шельма! Нечего старику врать: ишь, песочная болезнь, песочная болезнь!.. Я Анири ещё девчонкой помню – хитрющая была! И тебя врать заставила – так ведь, правильно? Ну признайся, что соврал, а?!

Ясав открыл рот, чтобы сказать: «Нет!», но тут услышал свой голос, прозвучавший незнакомо и хрипло: «Да!»

– Вот и молодец! Настоящий мужчина! Слово Бабушки, ты мне нравишься! Значит, привезёшь её?

– Привезу, – опять прохрипел Ясав, уже немного успокоенный.

– Вот и славненько! Ты меня совсем утешил! А то уж я не знал, что делать! Такой скандал назревал! Речь-то мою слышал, небось? Думали, войну начинать придётся, чтоб замять это дело. Песочная болезнь – не шутки. Нашли, чем баловаться! Я ведь тебе было поверил... Ну всё хорошо, что хорошо кончается. Теперь подумаем насчёт тебя... Хочешь быть моим племянником? Третьим – для начала. Я бы лично тебя и вторым сделал, но пока мест нет. Работать будешь или только финики жевать и этими... массажами заниматься? У нас в Семье много таких бездельников...

– Да я бездельничать не привык... Проверьте в деле.

– А что думаешь – и проверим! Будет у меня к тебе, сынок, личная просьба. Ты уже видел, что с листьями стряслось. Теперь ты свой, открою ещё одну тайну. Мы распус-

кания не откладывали, мы сами не знаем, в чём дело. Чтоб разобраться, создали комиссию, но Римовалс подобрал таких людей, что, боюсь, они там все перессорятся. Люди-то неплохие, кроме, пожалуй, пройдохи Йердны, римовалсова любимчика, но вместе у них ничего не получится – каждый в свою сторону тянуть будет... Ты человек новый, незнакомый, зла никому пока не сделал. Поработай вместе с ними, где надо – помири, где надо – помоги. Заодно и послушай – мне, старику, всё интересно знать... Понял мысль?

Ясав понял. В тот же день личным рескриптом Великой Бабушки он был назначен Третьим Племянником и членом секретной комиссии по расследованию листовенных козней. К утру следующего дня Ясав привёз Анири в Квартиру.

Сегодня долго стоял перед зеркалом, когда все уже легли. Вот он, носик-пуговка, вот они, кустистые брови... Вылитый Бабушка. Да если б и дедушка – что толку?..

Всё из-за голоса. Опять его сегодня слышал, часов в восемь. Та же песенка, что и в прошлый раз, но слов не разобрать, хоть и ухо к стенке прижал. Как их там называют – контральто, сопрано?..

31 января

АГНИ (сон)

...Шлюха, шлюха подзаборная, за что ж он тебя любит?.. Сено шуршит... Или это мыши возьатся? Открою глаза – уви-

жу его, сумасшедшего...

– Вставай, подружка.

– Не хочу.

– А чего хочешь?

– Сам знаешь...

– Сначала жратвы надо раздобыть... Поднимайся, милашка. Только сено из зада вынь, а то люди добрые решат, что ты травоядная...

– А ты штаны застегни – было б чего показывать...

– Я же не святоша, чтобы у меня штаны распирало, от работы не отлыниваю, держусь до последнего, пока сама пощады не попросишь... Ладно, я пошёл. В этой деревне одни куркули да злыдни, песен не любят, так что у тебя здесь работы не будет. Я уж сам с ними поговорю, по-своему...

Он уходит вниз, по косогору, перед ручьями оборачивается – я смотрю на него. Когда-нибудь, когда-нибудь он попадётся – болтаться ему на виселице...

АГНИ (явь)

«Ух и хитрющая рожа у этого Римовалса. Бедный Бабушка! Политика – жестокая вещь... Может, намекнуть ему как-нибудь? Да нет, пока Римовалс нужен... Тоже мне, хитрец! Бедный, бедный Бабушка, бедный мой старичок... Ты уж меня прости... А может, ещё и простит, если успеет... Всё-таки я ему многим обязана...»

Агни медленно оглядывала себя в зеркало. Вокруг вози-

лись несколько служанок. Одна из них, искусница, купленная за большие деньги, укладывала рыжие локоны. Вторая подкрашивала ресницы, третья тихонько, ласково скребла подмышками, четвёртая, с тазиком в руке, медленно обмывала груди кобылиным молоком, пятая натирала редкими благовониями спину, шестая массировала живот ароматическими маслами, седьмая смазывала ягодицы и бёдра жасминовой эссенцией (Ох, держись, Йердна!); восьмая, стоя поодаль, читала новое собрание любовных эпиграмм, а ещё какая-то растридесятая нашёптывала на ухо самые последние городские новости.

Всё это стоило немалых денег, и никаких мужей не хватило бы Агни, чтоб сколотить достаточное состояние, если бы не благодетельные милости Бабушки. Правда, за эти-то милости Агни платила с лихвой, а в последнее время благодетель всё чаще стал отказываться принимать долги. Годы!

В общем, Агни полагала, что они в расчёте, и теперь только чувство старой привязанности, – которые она с некоторым удивлением обнаружила в себе, – только это чувство (а другого никогда и не было) немного мешало ей действовать.

«Ай-яй-яй, этой морщинки я раньше не замечала. Надо будет отменить утренние ванны – лишняя вода сушит кожу. Итак, Римовалс. Римовалс и Йердна? Или наоборот?»

– Оставь, – сказала Агни служанке, аккуратно сообщающей скучные новости о рогоносцах и роконосицах. Агни знала все эти новости на пять лет вперёд.

– Ты свободна, – отпустила она рабыню, читающую эпиграммы. Ей хотелось сосредоточиться.

«Стало быть, выражено пожелание, чтобы я прислушалась к словам Йердны. Он, дескать, скажет мне что-то новое. Ох, дураки, дураки. Давно, кстати, не пользовалась я своим средством... Надо захватить с собой – в такой компании всё может пригодиться. Впрочем, сам Йердна совсем недурён. Посмотрим...

Интересно, этот пузан Авов ещё помнит зло? Когда это было – в прошлом году, что ли, очень уж ему захотелось со мной переспать. Он, конечно, не в моём вкусе, но всё-таки зять Бабушки, я бы не отказала, а он как начал чихать в самый такой момент... Я уж распалилась, помню, – со злости ему чуть ухо не оттяпала. Он со стыда убежал, так до сих пор еле здоровается...

Кто совсем не в счёт, так это Муан. Говорят, он с бабами ни-ни. И мяса не ест... Хотя, кто его знает, этого умника, что у него за душой. Может, как раз и соберётся бежать с Материка. Мне это совсем ни к чему...

Ох, Агни, Агни, втравили тебя в историю... Но делать нечего, придётся поработать...»

Новые рабыни принесли одежды. Сегодня Агни выбрала зелёные тона: во-первых, они шли к её рыжим волосам, а во-вторых, Агни любила символику – дело всё-таки касалось листьев.

К полудню изящные носилки, занавешенные розовым

шёлком, были поданы, и Агни, легко впрыгнув в них, отправилась в Квартуру.

Шлемоносцы у входа строго, но, как всегда при её появлении, чуть-чуть кокетливо вытянулись. Агни знала их в лицо и, весело кивнув им, вошла внутрь. Она хорошо изучила внутреннее расположение и без труда нашла комнату, выделенную для первого заседания.

– Привет тебе, высокороднейший Авов, – немного лукаво произнесла она формулу.

Авов был не один. И Муан, и Йердна уже сидели в глубоких креслах вокруг стола. Там же, у стола, лицом к двери, сидел незнакомый Агни человек с бляхой Третьего Племянника Бабушки. Бляху она заметила потом, а сначала в глаза ей бросились руки человека, лежащие на подлокотниках. Именно такие, чуть грубоватые, но ощутимо нежные, должны быть руки мужчины. Глаза были синими, как майское небо, и они были умны и угрюмы и смотрели прямо.

Йердна прятал глаза, Муан прищурился, а глаза Авова напоминали телячьи.

«Он моложе меня!» – почему-то с отчаяньем подумала Агни.

– Познакомьтесь, – пропыхтел Авов, не отрываясь от кресла. – Уважаемый Ясав назначен в комиссию лично Бабушкой. Бабушка рекомендовала его как хорошего, милого парня, который, несомненно, поможет нам покончить с этим каверзным вопросом. – Было заметно, что Авов не первый

раз сегодня говорит эти слова. И Йердна, и Муан произвольно кивнули, как бы подтверждая, что и они слышали о Ясаве то же самое.

Человек встал и улыбнулся.

АГНИ (сон)

...Уже два года вместе, он и меня научил по-своему разговаривать, а его все Острословом живут. Только вот похожие слова в конце ставить никак не научусь. Зато танцевать умею.

Вон, в прошлом месяце, он на свадьбе в одной деревне чуть не все свои песни спел, а я ноги в кровь сбила – потом целовал! – зато и набрали на неделю житья.

А когда воровать приходится, он меня с собой не берёт.

– Виселица, – говорит, – двоих не выдержит. Вор на воре сидит, дерево гнилое поставляют... Ещё палача зашибём до смерти – не возьмут к себе нас черти и отправят к Богу в рай, а там скучища – помирай. Да второй раз не помрёшь. Сиди уж лучше дома...

Его-то виселица выдержит – он худой. Ах, что ж мне, что ж мне тогда делать?!

ЯСАВ (явь)

Итак, Ясав встал и улыбнулся. Улыбнулся он от смущения, потому что с самого утра ничего не мог понять.

Ясав пришёл на первое заседание точно к назначенному

часу, но в комнате никого не было. Шлемоносцы, которые привели его, потоптались несколько мгновений и исчезли. Не зная, чем заняться, Ясав сел за роскошный стол пурпурного дерева и взял в руки какую-то блестящую безделушку.

Так он сидел довольно долго и уже начал тревожиться. Может быть, комиссия – это всё-таки только предлог? Впрочем... Ясав скосил глаза на бляху Третьего Племянника. Погубить его могли и проще, можно было не выдумывать столько. Всё-таки что-то мешало Ясаву успокоиться окончательно. Ещё некоторое время он вертел безделушку в руке и наконец понял: она напоминала ему о золотом браслете, который вчера был вручён Анири лично Бабушкой. Ясав ожидал, что она обрадуется, он ведь всё объяснил ей по дороге, но она обрадовалась, как бы это сказать, слишком сильно. Глаза... какие-то нехорошие стали у неё глаза!

И Ясаву не стало легче, когда с тем же выражением она посмотрела на его новую бляху, – из золота, конечно, – которую тоже вручил ему сам Бабушка. А потом она сказала (сейчас Ясав вспомнил):

– Ради своего ребёнка я готова на всё. Он ведь тоже будет членом Семьи? – Бабушка замурлыкал что-то умильное, а сам при этом (Ясав теперь мог поклясться) косил глаза на вырез её хитона.

И попрощалась Агни как-то небрежно, а когда Ясав обнял её, отстранилась.

– Осторожно, – сказала. – Раздавишь. Ему нельзя.

Вчера Ясав рухнул в постель и сразу заснул, вымотанный поездками, и только сегодня вспомнил всё как следует. Вспомнил и удивился тому, какие неожиданные мысли забродили в голове. Он их ещё и сам не очень-то понимал, но они были новыми и неприятными как-то по-новому, не так, как, казалось Ясаву, они должны были быть неприятны ему.

Неизвестно, до чего бы додумался Ясав, но в это время дверь неожиданно открылась. Высунулась голова шлемоносца, повертелась в разные стороны, вперила взгляд в Ясава, испуганно раскрыла рот и исчезла. За дверью раздались удаляющиеся топот и крики: «Досточтимый Йегрес! Досточтимый Йегрес!».

«Вот новости», – подумал Ясав и на всякий случай встал с кресла. Через несколько мгновений раздались шаги уже нескольких человек. Дверь снова раскрылась, теперь уже полностью. В комнату вошёл высокий шлемоносец с пурпурной лентой через плечо и со скучающим, застывшим взглядом. Он небрежно приветствовал Ясава:

– Начальник охраны Высокой Комиссии Йегрес. Этот болван Сироб испугался, что вы вертите в руках секретный ключ от потайного шкафа. Мало того, что он золотой, с нас голову снимут, если он пропадёт; второй давно потеряли, а копию сделать никто не мог: очень тонкая работа, древняя. Шкаф тоже никому ломать не хочется, теперь так не сделают. Вот и молимся на этот ключ. А болван Сироб, начальник смены, между прочим, забыл его вчера вечером на сто-

ле. Позвольте, – и с этими словами высокий шлемоносец вынул из рук Ясава блестящую безделушку, нагнулся под стол и что-то сделал с ней. Раздался щелчок, и одна из стен разъехалась, открывая пространство секретного шкафа. Тот был совершенно пуст.

– Сироб, прикажи, чтобы протёрли пыль, – сказал Йегрес. – И пора ставить караул у двери. Сейчас начнут собираться.

– Как же так? – сказал Ясав. – Сейчас ведь уже...

– Видно, что ты новичок, – мрачно сказал Йегрес. – Здесь всё всегда начинается на два часа позже.

– Но почему?

– Не «почему», а «для чего» – для секретности и безопасности. Ну и просто традиция такая. Женская неаккуратность... – Йегрес кашлянул и посмотрел на Ясава. – Великая Бабушка ведь...

– Да, да, – рассеянно перебил Ясав, наблюдая за тем, как шесть шлемоносцев с тряпками под командой Сироба суетятся около секретного шкафа. Йегрес тоже посмотрел на них с мрачной брезгливостью.

– Ну?

– Всё исполнено, досточтимый! – подскочил к нему Сироб, и в глазах его Ясаву почудился какой-то хитрый-прехитрый, потаённый огонёк. Ещё Ясав заметил, что Йегрес слегка поморщился, глядя на Сироба, но ничего не сказал, а только нагнулся опять под стол, щёлкнул там, и стены сошлись.

– Располагайтесь, – бросил он на прощанье Ясаву и вышел. Сироб вместе со шлемоносцами – вслед за ним. За дверью некоторое время раздавались стуки, сопенье и бряцанье. Сироб расставлял посты. Потом всё стихло. Ясав снова сел в кресло, но тут же вскочил: дверь открывалась.

В комнате оказался толстый розовый человек. Он обвёл взглядом пустые кресла, огорчённо вздохнул, пробормотал что-то о недостойной торопливости и исчез снова, быстрее, чем можно было от него ожидать.

Ясав уже не стал садиться, а просто прислонился к стене. Вскоре дверь решительно отворилась, и на пороге показался новый человек: с узким, длинным, немного бледным лицом, дьявольски красивый, но как бы замороженный. Однако, войдя в комнату и увидев Ясава, человек расплылся в улыбке. Ясаву почему-то показалось, что человек хочет, чтобы улыбка была глупой, но у него это не получается. Глаза продолжали чернеть колючими угольками. Человек поклонился Ясаву и повёл рукой, приглашая сесть. Человек ещё шире расплылся в улыбке и сел сам. Немножко побарабанив пальцами по столу, он взглянул на Ясава (тут Ясав заметил, что в глаза он не смотрит).

– Так-с, так-с, – произнёс человек. – Вот так-с...

Может быть, он сказал бы что-нибудь ещё, но дверь снова открылась и стремительно, не глядя ни на кого, прошёл к столу худощавый человек с морщинистым желтоватым лицом и наголо обритой головой.

И в то же мгновение, как он сел, дверь торжественно распахнулась. Тот, первый, толстяк, теперь уже благодушно улыбаясь, прошествовал на центральное место. Оба человека за столом встали и поклонились, а Ясав оторвался от стены и поклонился тоже. «Авов», – догадался он. На хитоне вошедшего была прицеплена золотая бляха. Только тут Ясав заметил, что двое других не имели никаких знаков различия, и почему-то почувствовал, что он тоже зря нацепил свою бляху.

Толстяк жестом пригласил всех сесть. Некоторое время они сидели молча. Наконец толстяк сказал:

- Познакомьтесь, уважаемые.
- Йердна, – сказал узколиций.
- Муан, – пробормотал бритый.

Толстяк торжественно представил Ясава, который почти ничего не слышал, потому что смотрел во все глаза на новых знакомых и с каждым мгновением всё больше постигал их ум и свою неопытность.

Все опять помолчали.

– Так-с, – сказал опять узколиций Йердна, но ничего не добавил. Уже Ясаву стало не по себе от затянувшегося молчания, уже противное першение подступило к горлу. Никто и не думал начинать. Авов сидел с рассеянной улыбкой и иногда вытирал платком вспотевшее лицо. Йердна постукивал пальцами, потупив взор. Муан вообще закрыл глаза и откинулся на спинку стула.

У Ясава начало чесаться подмышками и ниже лопаток. Остальные были спокойны. Наконец, когда Ясав совсем был уж рот раскрыл, дверь легко приоткрылась.

– Пожаловала, – процедил Йердна.

Она была золотоволосой, как дикая лисица, она была зеленоглазой, как лесная северная рысь.

АГНИ (сон)

...Вернулся?

– Из дома не выходила?

– Нет, мне сено нравится. Не то, что в прошлый раз: оставил в какой-то яме – тоже мне дом...

– Где опрокину я подружку и в горло опрокину кружку – там, значит, я построил дом, тирлим-бом-бом, тирлим-бом-бом...

– Распелся, ишь ты, а я тут голодная сижусь...

Ох, сколько же он принёс!.. Дня на два хватит.

– Слушай, свёрток не потеряла?

Каждый раз, когда уходит, отдаёт мне этот свёрток. Там всё бумажки, бумажки...

– Добавь туда про дом песенку-то.

– Ещё не сочинил, вечером тебе спою, тогда и запишу...

Лучше ещё раз повтори, кому отнести это должна, если что.

– Да помню, помню я. Туда-то и туда-то, передать тому-то...

– Ну вот и молодец!..

ЯСАВ (сон)

...Помогите мне демоны, демоны полей моих... Соха моя тяжела, и сноровки нету, и земля неохотно открывает своё тепло. Но не вернусь я в дом, не вернусь к жене своей, пока не выполню то, что назначил на сегодня... Крепче, руки – скоро я посею здесь зёрна жёлтые, крупные, крепкие... А как дадут они всходы, да заколосятся – то-то будет радости в моём доме, демоны полей моих...

АГНИ (сон)

– Слушай, хотела бы ты жить на одном месте, в деревне, в своей хижине? – Глаза странные, грустные. Проверяет. А мне и притворяться не надо – мать у меня была шлюха, а все отцы – бродяги, какая там деревня!

Мы с мужем моим так свой век проживём, спину не гнув, в скотину не превращаясь, как птицы только живут.

У нас с мужем моим дорога одна, а уж куда заведёт она – о том не с нас спрос...

Мы с мужем моим...

ЯСАВ (явь)

– Значит, так, – сказал Авов.

– Как самочувствие высокороднейшего? – перебил его Йердна.

– Спасибо, э-э, сынок, хорошо. То есть, к сожалению, хо-

рошо...

– А помните, в прошлом-то году?

– Да-да! – Ясав заметил, что толстяк ещё чуть-чуть порозовел, а золотоволосая Агни улыбнулась чему-то. Муан, раскрывший было глаза, когда вошла Агни, закрыл их снова и начал тихонько раскачиваться на ножках кресла.

Авов, кажется, не хотел больше ничего говорить, и тогда Йердна опять сказал:

– Так-с.

Сказав это, он посмотрел на Авова. Авов кивнул головой.

– А почему, собственно, он? – улыбнувшись, произнесла Агни. Муан пожал плечами, не раскрывая глаз. Йердна галантно поклонился Агни, Авов же ещё раз кивнул головой:

– Так будет лучше. Опыт, сами знаете. Я – вообще, он – в частности. Я думаю, так.

– Любимчики? – ещё очаровательней улыбнулась Агни.

– Ради бога, ради бога, не надо! – пропыхтел Авов. Йердна как-то замкнулся, отчего стал казаться ещё более замороженным, но сказал:

– И всё-таки.

Во время этой беседы Ясав уже несколько раз украдкой под столом вытирал потные руки. Голова шла кругом.

Йердна был настойчив.

– Листья, – сказал он, и все напрялись. Ясав почувствовал это. Даже Муан открыл глаза.

– Вы уверены, что дело в листьях? – уже невозможно оча-

ровательно улыбнулась Агни.

– Вот-вот! – видимо обрадовался Авов. – Мятеж!

Муан открыл рот и сказал:

– Ха!

«Демоны, демоны», – в тоске подумал Ясав. Ему мучительно хотелось тоже сказать что-нибудь.

– А ваше мнение? – Йердна вежливо наклонился к Агни.

– Надеюсь, охрана будет надёжной! – Казалось, не было предела её очаровательной улыбке.

– Не обижай меня, – пококетничал Йердна, и Ясав почувствовал, как все расслабились, и сам он почувствовал себя как-то спокойнее.

– Ну что ж... – Йердна встал. – Предварительный обмен мнениями, – я думаю, что выражу мнение досточтимого Авова, – можно считать завершённым. Думаю даже, он окажет решающее воздействие на результаты нашей работы. И позвольте мне оценить то единство основных воззрений и весьма полезный, разносторонний подход к вопросу, проявленный здесь незабываемыми словами Великой Бабушки: «Удовлетворена, детки мои! Глубоко удовлетворена!»

Йердна говорил всё громче и громче, но странно – его голос не заглушил, а наоборот, непонятным образом позволил Ясаву слышать в комнате некое постороннее сопенье, доносившееся откуда-то извне.

– А вы? – обратился Йердна к нему как раз тогда, когда Ясав, со всё возрастающим уважением, проникался необык-

новенными качествами своих новых знакомых. Он чувствовал, что сам умнеет на глазах, когда почти непринуждённо склонив голову, ответил:

– Да!

Йердна сел.

– А теперь о деталях, – весело проговорил Авов. – Фазанов уже загрузили.

– Зелени, зелени побольше, хоть сушёной, – проговорил Муан. – И обязательно хлопкового масла: в провинции хорошего не достанешь.

– Я жить не могу без дынь, – вздохнула Агни. – И не забудьте про морскую воду для ванн.

– Всё-все учтём, – благодушно пропыхтел Авов. – На то меня и поставили, чтоб я всё учитывал. Да поможет нам Великая Бабушка!

Тут уж встали все, и Ясав понял, что заседание кончилось.

И удивительно – он до вечера думал, напряжённо думал о чём-то, но даже тень мысли не посетила его усталую голову. И лишь перед сном он удивительно ярко представил себе Агни, держащую в длинных пальцах прозрачный ломтик спелой дыни.

Уже несколько дней забываю ставить даты. Завораживает меня эта история, определённо завораживает. А чёрт с ними, с датами – не дневник ведь пишу! А потомуку моему – я так чувствую – до большой лампочки будет, писал я это в среду

или в пятницу (я и сам-то дни часто путаю)...

Вишь ты, Георгий – уже о потомках заботиться начал, все-го-то ничего накропал, а уже пьедестал приспособливаешь. Не о том, не о том думаешь!

Вперёд!

«Дышала ночь восторгом сладострастья...» Чушь какая! Заразился от нашей бухгалтерши Клавочки и теперь весь день повторяю, как патефон. Надо же вообразить такое! А ведь кто-то когда-то сочинял, как я, сидел, писал, марал черновики, потом родилось: «Дышала ночь...» Тоже – литература. Угар нэпа, даже вроде ещё раньше. Ладно, начнём по-маленьку.

Куда ж нам плыть?

Труднее всего начать. Что там у меня по плану? Разговор членов комиссии на стоянке. С чего он завяжется? Как обычно – с погоды? Нет, для них это слишком щекотливая тема. С еды? С ней уже всё решено – слуги сгондобят (фу, какое словечко прицепилось от Васьки-слесаря!) Пожалуй, лучше создать напряжённую атмосферу – все волнуются, боятся друг друга, шпионят. Тогда начну с пейзажа. Как известно, описания природы дополняют и углубляют картину духовной жизни героев. Итак... с чего бы начать?.. Эврика!

Дышала ночь восторгом сладострастья. Мгновенно упавший вечер скрасил цвета неба и леса – и привычно голого, пустого и оттого страшного. Было тихо. Члены комиссии расположились вокруг костра, сзади них – стражники, тща-

тельно отобранные из охраны Квартиры. Ужин подходил к концу.

– Обменяемся первыми впечатлениями? – предложил Йердна.

– Дороги у нас, прямо скажем, мерзкие, – буркнул Муан. – Вот чем заняться надо.

– Это дело Дома Путей, а не наше, – пресёк тему Йердна.

– Фазаны были чудесны, – вздохнул Авов и обратился к слуге: – Ещё такие есть?

Тот уверенно кивнул, и наступила тишина.

– Слишком тихо, вечер ещё не поздний, – отозвалась Агни. (Надоело мне это «отозвалась», «буркнул», «вздохнул», буду писать проще)

Агни: Слишком тихо, вечер ещё не поздний. Птиц не слышно, кузнечиков, только ветер...

Авов (важно): Звенья одной цепи?

Йегрес (про себя): Спят, небось, куда они денутся...

Агни (будто услышав): Куда? Туда же, куда и листья.

Йегрес (вкрадчиво): Если мне позволено будет сказать, досточтимая, с листьями дело обстоит не так уж опасно. Просто погодные условия изменились или что-то там ещё...

Авов: Мятеж, например.

Агни (Йегресу): Завидная точность для военного человека.

Йегрес (как бы в сторону): **Я** хоть что-то в этом понимаю,

не в пример некоторым...

Йердна: Досточтимые!

Муан: Тихо!

И в тишине они слышали вой. Медленный, протяжный, заунывный, он приближался к ним. Стражники встrepенулись, похватали пики и встали наизготовку, оборотясь к той стороне темноты, откуда надвигался вой. Он нарастал и, приблизившись, казалось, метров на 20, смолк. Сухо затрещали ветки, потом все звуки исчезли.

Йердна (тихо – стражникам): Проверить!

Но они не успели и шелохнуться, как из тьмы показалась крупная серая тень, она резко покачнулась к свету – и все увидели волка. Огромный, мощный зверюга шёл, качаясь, на пики стражников. Подойдя к ним вплотную, он остановился и завыл снова – оглушительно, дико, как раненый. Волк стоял, широко расставив лапы и задрав морду, выл, потом вдруг захлебнулся своим же голосом, в горле у него что-то забулькало, он пошатнулся и упал, упал неестественно, вперёд мордой, будто стараясь достать до остриёв пик. И сразу стал кучей грязной серой шерсти, неподвижной и безжизненной. Первым к нему подскочил Муан, держа в руке горящую ветвь.

Муан: Кажется, он даже не ранен.

Йегрес: Странно...

Авов: Зачем же он сюда прибежал?

Агни: На редкость меткий вопрос!

Йегрес: А вы жаловались на тишину...

Муан: По виду – совершенно здоровая тварь.

Авов: Внешность так часто бывает обманчива.

По знаку Йегреса стражники перевернули волка. Тот был мёртв, и только глаза его остались открытыми и неподвижно смотрели вперёд. Пламя костра отражалась в них, и они вспыхивали жёлтыми искорками, как у живого.

Йердна: Ещё одна загадка...

Молча они разошлись в приготовленные шатры. И когда каждый из них, закрыв глаза, уже приготовился отрешиться от тревожных мыслей и заснуть, налетел внезапный ветер. Шатры судорожно задрожали, потом на несколько секунд стало тихо – и вспыхнула молния. Она осветила пустой лес белым мертвенным сиянием, и тут же, без перерыва, взорвался, тяжело просыпаясь, гром. И снова – порыв ветра, вспышка и грохот, сотрясающий лес, шатры, души затаившихся там людей, призванных расследовать неполадки в природе. Редкими крупными каплями пошёл дождь, молния вспыхнула ещё раз три – и гроза умчалась прочь. Дождь

ещё постучал по шатрам и тоже ушёл. Люди, которым поручили призвать природу к порядку, понемногу успокоились и затихли, заснули. Воздух стал чистым и бодрым. И ещё несколько часов, до самого рассвета, дышала ночь восторгом сладострастья.

Итак, их застигла ночь.

Демоны, демоны, демоны опустевших лесов моих, скрытые во мраке, неслышные, незримые...

Впрочем, меня тоже застигла ночь, и чего уж там прятаться от себя. На 55-м году есть над чем задуматься. Второе подведение итогов. Первое случается где-то лет в 37 – окончательное прощание с юностью, торжественные похороны надежд, правда в лицо... А сейчас? Окончательный итог? Прощание... с жизнью? Уже ничто не свершится, ничто не изменится, кроме пустяков. Что есть – то и будет, разве поблекнет, иссушится и так сойдёт на нет. Тогда, почти 20 лет назад, озирался я без гнева. Казалось – время ученичества вот-вот минет и настанет... Эх, жизнь! И вот снова – баланс. Как пусто вокруг! Тогда – Славка, ещё пацанёнок, смышлённый, бойкий, голова кругом стриженная – носился по двору в «футбол я ну»... Нет парнишки, которого я любил, будто умер он. Прощание с живыми. Теперь Ростик здоров, настырен, за него нечего беспокоиться, а тот – пацанёнок – растаял, исчез незаметно и навсегда. А я – тогдашний – жив разве? Всю жизнь умираем... Эх, ма, диалектика ёлкина, чего

она с нами вытворяет. Ничего, держись, Георгий, а то выпил на рупь, а соплей напустил на червонец! И всё жаль, жаль и себя, и Славку, и Раю – где мы, куда подевались?!

Неужели вся жизнь пройдёт, до конца, до капли на донышке, вот так – впустую? Дело всей моей жизни под запретом. Сколько я могу? Сколько во мне планов, идей – неужели всё пойдёт к дьяволу?! Нет, даже не к дьяволу, а просто – в пустоту, в ничто. И вся моя жизнь – в пустоте. Какие ничтожества вокруг! Склоки, дешёвые интриги, копеечные разговоры – вот их путь. Но ведь не мой же! Как я был наивен, когда мечтал переделать этот мир, скроенный по образцу, подsunутому Сатаной! Этот остров – такой великолепный, праздничный с высоты полёта геликоптера, этот народ, такой щедрый и талантливый вдали от служителей Бабушки, от её мрачной Квартиры. И вот – пленник. Роскошная тюрьма, еда и одежда, только за то, что не делаю того, что могу, пустые дни, прогулки в одиночестве... Вся моя жизнь последних лет – сплошная прогулка в одиночестве... Правда, сейчас у меня блестящая компания – группа ядовитых тварей под фактическим руководством подонка Йердны. Ведь дебил Авов – не худший из них – только ширма. Мне даже не хочется разбираться в этих «лиственных кознях», хотя чувствую, что мог бы добраться до истины. Но кому она здесь нужна? Бабушке? Только для укрепления власти. Йердне? Чтобы при случае скинуть Бабушку. Этой стране, её людям? Нет, они

заслужили своих хозяев! Мне? Да зачем? Мне уже ничего не нужно. А тем более истины; излишняя роскошь для заключённого. Оставьте мне мои сны, мои полёты – без границ, без препятствий...

И всё-таки остановиться я уже не могу: слишком долгий взял разбег. Скоро 30 лет как мараю, мараю бумагу. Другие в люди выбились или обзавелись геморроидальными мечтами: машина, дача, сад, огород... А я всё бегу, бегу по бумаге, никак не успокоюсь. Видно, горбатого могила исправит. Но теперь – вперёд за воображением! Прочь, друг Георгий, пошлые мысли о том, что «надо», о том, что «подошло бы». Отныне мой единственный бог – воображенье! Ура, вперёд!

А если создать себе партнёра – эдакого мудрого, доброго, такого же, как я, только всемогущего? Я же строитель и конструктор, так попробую сконструировать себе друга-бога, святого Муана, своего двойника и наставника, потому что...

Потому что крест на себе нельзя ставить никогда – это ты, Георгий, запомни всё голова гудит ручка пляшет знаки препинания куда-то вылетают... Пить надо меньше, а работать больше. Вот тебе лекарство от геморроя души. А теперь спать... Хотя...

И ещё долго в своём шатре Муан придумывал себе бога, а потом, уже во сне, разговаривал с ним и убеждал его вме-

сте лететь на вертолёте через море, к звёздам, и вообще это не страшно, наоборот – страшно на земле, а там всё легко и празднично, и ты растворяешься в небе, и паришь, и ты счастлив, а бог в ответ улыбался доброй улыбкой и качал головой, так что было понятно – он согласен, он тоже верит, что полёт – единственное счастье, и осталось совсем-совсем немного, чтобы отделиться от тверди и уйти...

Всё!

АВОВ (явь)

Авов проснулся опасно: казалось, сейчас опять обрушится на него привычная болезнь. Но нет – всё было в порядке. Правда, не хватало Анеле и такого необходимого чувства, но... «Государственный долг», – сурово подумал Авов и преисполнился сознанием собственной значимости. Однако тут же его отвлекла от забот особой важности мысль – простая, но исключительно занимательная: «Спала ли Агни одна в эту ночь; и если не одна, то с кем?» Вариантов было много, и все их Авов обстоятельно обдумал. Отпал Йегрес, потому что занимал невысокий пост, и Сироб – личность бесцветная. (Чёрт, а нужен ли он вообще? Придумал его зачем-то, а теперь он болтается без дела и даже без функции. Может, убрать его? Ладно, пока подожду) Йердна – влиятелен, Муан – интеллигент, а с ними всё бывает очень своеобразно, Анеле рассказывала. Ясав – тёмная лошадка, орешек, который в постели можно легко раскусить... Мысли Авова прервал

шёпот. Стражники переговаривались тихо, но что-то было в их голосах тревожное. Авов прислушался.

– Ещё одна!

– Смотри, на вид совсем целая.

– Эй, ребята, тут в кустах ещё две... нет – три!

– Что ж такое-то?

– Мор. Вселенский мор.

Авов осторожно высунулся из шатра. Стражники сгруппировались вокруг большого куста, и один из них держал в руках трёх серых птиц – мёртвых. У самого шатра Авов увидел ещё одно съжившееся неживое тельце пичуги. Он ни о чём не размышлял, но животом почувствовал, что дело плохо. Из-за деревьев появился ещё один стражник. Он нёс пичу и штук двадцать мелких птах, наколотых на неё. Стражник бодро окликнул своих товарищей и, выставив вперёд пичу, с гордостью крикнул:

– Неплохой намечается завтрак!

Стражник был туповат.

ЯСАВ (явь)

...Ночью Ясав проснулся от тишины. Он часто по службе выезжал в глухие районы Родни и хорошо знал лесные ночи, полные звона кузнечиков или цикад, шороха змей и мышей, клёкота ночных птиц, трепета листьев под ветром. Он привык к этому. А сейчас вдруг все звуки исчезли: настала такая тишина, что Ясаву показалось, будто он оглох, и он поспеш-

но щёлкнул пальцем по материи шатра. Нет, с его слухом всё было в порядке, а вот лес... Лес замолчал, и оттого не спалось Ясаву до самого рассвета, и странные мысли тревожили его, и когда сон почти овладел им, то на грани уходящей яви Ясав увидел мёртвые стада оленей на голых глинистых полях, где не взошла трава, и землю, покрытую серым пухом умерших птиц, и – уже окончательно погрузившись в сон – он увидел буреломы рухнувших лесов и обнажившееся дно пересохших рек и – почему-то – разверзнувшуюся землю, которую, будто при землетрясении, делили, резали, рвали овраги, возникающие прямо на глазах...

А потом он проснулся от того, что Авов причитал:

– Спаси и сохрани! Сохрани и спаси! Защити от страха, защити от врага!

И заученные слова молитвы звучали как-то непривычно, не буднично, а всерьёз.

– Пожалей и пощади меня, Великая Бабушка!

А потом вдруг совсем не по формулам:

– Ой, что же делать-то, ой, что случилось, ой, скорее все вставайте!

Ясав выскочил из шатра. Напротив, шагах в двадцати, упав на колени в траву, орал Авов. Он не бил поклонов, не смотрел по сторонам, а почти неподвижно вперил взгляд в тёмные кусты на краю поляны.

– Что такое? – крикнул, показавшись, Йердна.

– Сироб умер, умер, умер, – Авов не сводил взгляда с ку-

стов и только чуть-чуть раскачивался из стороны в сторону, сжав пальцы на груди в кулачок.

Сироб лежал на спине, широко раскинув руки. Глаза его были открыты и пусты, а лицо – чуть искажено гримасой страха или боли.

ОТЧЁТ

В четвёртом квартале истекшего года ЖЭК № 19 провёл следующие работы по устранению обледенения и заснеживания территории:

1. Силами работников ЖЭКа и жильцов-активистов, принявших участие в воскреснике 5 декабря, устранено обледенение и заснеживание дорожек парка, прилегающего к улице Космонавтов от дома № 4 до дома № 18;

2. Обколото ото льда – статуй 18 (восемнадцать), вырыто скамеек— 16 (шестнадцать);

3. Намётано сугробов – штук 26 (двадцать ше... А почему 26, когда по плану – 40? Что-то Мирон Тарасыч напутал, надо ему сказать завтра... тьфу, чёрт, испортил бумагу! Со всем стал дурной, видно, от старости – печатаю всё, что в голову придёт. Ладно, продолжу свою фантазию: не пропадать же бумаге!

Итак, отчёт.

Ясав не знал, сможет ли он когда-нибудь отчитаться перед Бабушкой о том, что видел и слышал в поездке. Комиссия

снялась с места и спешно двинулась вглубь страны, к району Заквак, известному богатством живности в глухих лесах. Связи со Столицей не было и не предвиделось, а маршрут уводил Ясава всё дальше в дебри Северной Родни – наименее населённой и самой лесистой, покрытой невысокими горами, усыпанной множеством озёр, полных рыбой. Если листья не распустились и там, то это означало... Впрочем, что это означало, Ясав не мог бы объяснить даже себе. Однако он помнил просьбу Бабушки быть его глазами и ушами и потому мысленно составлял отчёт, который оседал в памяти и мог быть извлечён оттуда, подобно нужной папке с полки аккуратного чиновника.

...Проснувшись после первой ночёвки в лесу, примерно в 40 фиакрах к северу от реки Рпенд, я услышал крики Авова, извещавшего о смерти Сироба. В течение ночи я просыпался лишь раз, примерно на 10 минут, около 2-х часов ночи, однако в тот момент я был поражён именно тишиной и не слышал не только подозрительных, но и вообще каких-либо звуков. Авов разбудил меня в 7 часов 35 минут. Одновременно вышли из своих шатров и остальные члены Комиссии. Пять стражников, очевидно, не спали всю ночь. Судя по поверхностному осмотру, Сироб умер внезапно, не менее чем за 2–3 часа до момента обнаружения его смерти (Фу! Что за стиль лезет! Впрочем, отчёт есть отчёт, и нечего тут стилевые разносолы разводять). На теле не удалось найти следов насильственной смерти. По приказу Йердны Сироба за-

копали немедленно, оставив опознавательный знак. Это решение активно оспаривала Агни, которая настаивала на том, чтобы труп был немедленно отправлен в Столицу. Свой приказ Йердна мотивировал необходимостью точного и быстрого выполнения главной задачи – расследования лиственных козней.

Смерть Сироба, тем более в сочетании со странной гибелью волка и птиц, о чём я имел честь докладывать выше, произвела угнетающее впечатление на членов Комиссии. Конкретно: Йердна был по-деловому озабочен и мрачно решителен, Агни – явно взвинчена, Авов находился в состоянии истерики и открыто отстранился от руководства, Муан был в некотором оцепенении, а Йегрес даже всплакнул. Если мне будет позволено высказать своё предположение, то должен отметить следующее: отсутствие всяких внешних признаков омертвения у Сироба свидетельствует о том, что он погиб в результате действия одного из ядов группы «Особые Д», которые производят сильный бальзамирующий эффект в течение нескольких суток. С психологической точки зрения наиболее вероятными преступниками являются Йердна, отказавшийся отправить труп в Столицу, и Йегрес, слишком нарочито демонстрирующий своё горе.

Прости, Бабушка!

Вот так – чётко, ясно, с опорой на точные данные химии и психологии. Знай наших!

Буйволы теперь двигались медленнее, потому что дорога пошла в гору, и уже вокруг стали показываться покрытые голыми деревьями невысокие холмы, и... я бы описал сейчас этот долгий и непростой путь, но Раисе Павловне вздумалось тащить меня к этим напыщенным дуракам Штанинниково-вым смотреть их дурацкие слайды, которые они притащили из турпоездки в Париж. Хорошо бы только слайды, а то ведь пойдёт нескончаемая болтовня про тряпки и про то, как это там во Франции всё красиво загнивает и как они удачно всё купили, и этот пень Штанинников будет, конечно, гнусно хихикать и говорить, что там француженочки – ой-ёй-ёй, а его клуша будет горевать, как мало нашим туристам денег меняют, и всё такое в этом духе, что просто зубная боль их слушать... Иду... Иду...

Начало третьего ночи. Всё было, как я ожидал: «А обслуживания-то, услуга – так и лётает: сильвупле, сильвупле – прям смех берёт. Точно у тебя, Рая, в столовой для шишек! А в обычной-то нашей – кинет тебе щи суточные и гуляш, да ещё обсчитает, зараза!»

Даже надежда на слайды провалилась: сплошь картинки кабаков – то китайские рестораны, то пляс Пигаль, то «Максим» или ещё чёрт знает какое непотребное заведение. Ну и два-три здания, которые только слепой не видел: Эйфелева башня, собор Парижской богородицы... Этот боров Штанинников даже «Нотр-дам» выговаривает как заборное ру-

гательство... Ну да чёрт с ними!

...Ясав не спал в следующую ночь. Он будто ждал, что сейчас опять случится какое-то несчастье. Он лежал тихо, вслушиваясь в появившиеся голоса ночного леса: порыв ветра, треск сухих веток и даже – далёкий свист неизвестной птицы. Приближение к Закваку дало о себе знать: показалась мелкая живность, чирикали кое-какие птицы, вот только листьев по-прежнему не было. Ясав уже потерял счёт времени, когда услышал шаги. Кто-то шёл мимо его шатра, крайнего у опушки, к шатру не то Йердны, не то Агни – ближе к костру. Стражник? Нет, пожалуй – слишком осторожно. Вор? Убийца? Глупо: стражники у костра и на постах вокруг шатров непременно бодрствуют. Ясав, стараясь двигаться бесшумно, приподнялся и выглянул из шатра. Да, двое стражников подбрасывают ветки в огонь, один маячит у леса... Может, кто из высокочтимых членов комиссии решил облегчиться? Убедив себя, что так оно и есть, Ясав заснул.

...Перечитал написанное позавчера ночью и остался крайне недоволен. Слишком сухо, информативно. Язык какой-то вялый, стёртый. И опять эти описания ночного леса – никак не могу отделаться от летних впечатлений, когда на даче в Кратове писал по ночам. Хватит! Уже всё сказал на эту тему. Всё-таки ночная работа как-то затуманивает голову. Утром видно, что написал плохо. Кроме того – совсем нет атмосфе-

ры, чувства обстановки. Никудашно, Георгий! Надо искать образы, характеры, яркий, запоминающийся поворот темы, а не выдавать голые факты! Вот у Чехова, например... Эх, да что там говорить! Сейчас перекурю и начну сначала.

Старший стражник Агог богам молиться не любил. Он верил, что удачу каждый завоёвывает своим трудом и до попрошайничества у демонов не опускался. «Судьба не любит лентяев», – говорил отец Агога, и это стало девизом сына на всю жизнь. Прожив сорок лет, он лишь укрепился в этой мысли. Вот и теперь неожиданную удачу он рассматривал не как подарок добрых демонов, а как заслуженную награду за долгий и честный труд. А подарок был немалый: если дело и дальше пойдёт так, то скромный, но удобный домик с садом в уютной приморской деревушке ему на старости лет обеспечен. За три дня пути Агог заработал столько, сколько получал за полгода службы.

Вот что услышал от своих повелителей Агог в первый же день пути. В удобный момент, без свидетелей, ему шептали:

Йердна: Слушай, Агог. Примерно через два часа после того, как мы разойдёмся по шатрам, с южной стороны придёт человек. Встреть его в лесу, отдай ему то, что я дам тебе, прими, что он принесёт, и передай мне. Пусть никто из стражников этого не видит. За каждый раз получишь по сто танталов.

Агни: Вот что, голубчик, примерно в полночь с западной стороны будет приходить к тебе посланник. Что принесёт – отдашь мне. Иногда будешь передавать ему кое-что от меня. Ты хорошо понял? Но только чтоб никто! Ни одна душа! Будешь получать по 30 танталов за ночь.

Иегрес: Старина, не в службу, а в дружбу: перед рассветом подожди одного человечка к югу от костра, в лесу. Он там кое-что мне принесёт, так ты передай без шума. Лады, как говорит один мой знакомый? Главное – тишина. За каждую передачу – 15 танталов.

И вот уже три ночи подряд Агог принимал от Йердны и Агни свёрнутые кусочки папируса и почти такие же передавал им от таинственных посланников, а Йегресу он носил нечто вроде больших бутылей, тщательно завёрнутых в листья. Конечно, глупо думать, что другие стражники этого не видели, но с них хватало и по 10-ти танталов за ночь. Агог с удовольствием подвёл баланс...

А путешествию конца не видно! И чем дальше оно продлится, тем крепче, просторней, богаче будет домик у моря, а сад – обширней и тенистей.

– Ступайте только по моим следам! Ни шага в сторону!

– Вот не думал, что в горах бывают болота...

– А вы отойдите в сторонку, уважаемый Авов, и убедитесь в этом удивительном явлении сами.

– Ах, Агни, Агни! Неужто вы желаете моей смерти?

– Что вы, это была бы такая потеря для всей Родни!

– Внимательней!..

Проводник из местных не выказывал никакого почтения к членам Комиссии, лишь за очень большие деньги уговоривших его провести их тайными тропами к убежищу знаменитого вещуна – отшельника Нордны. Йердна был не очень доволен этим визитом, но не запретил его, хотя сам не пошёл. Йегрес остался в лагере, сославшись на необходимость проведения физподготовки со свободной сменой стражников. Остальные шли сейчас по идеально ровному ярко-зелёному полю, упиравшемуся в скалу. Проводник вёл их, ориентируясь непонятно на что, так как никаких вешек или отметин на поле не было. А его изумрудный покров скрывал страшную, безжалостную трясину, готовую с жадным хлюпаньем и чавканьем поглотить неосторожного путника. Однако цель была слишком заманчива, и комиссионеры, – иногда ведь можно их так называть? – согласились даже на такой поход.

Нордна был прорицателем, и имя его знала вся Родня. Вот уже много лет, – почти никто не ведал – сколько, – он жил, спрятав себя в труднодоступных горах Заквака. Изредка добравшиеся до него путешественники сами становились знаменитостями и утверждали, что смысл грядущих лет стал им прозрачно ясен после беседы с Нордной. Однако некоторые из посетивших его допускали высказывания, возбуждавшие живейший интерес Дома Дружбы, в рекреациях ко-

торого и кончали свои дни любители предсказаний. В конце концов рескриптом Великой Бабушки Нордна был поставлен вне закона, а контакты с ним стали расцениваться как особо опасное преступление против Родни. И всё же – шепотком-шепотком – разносились по острову предсказания Нордны; и какие из них были выдумками говорунов, а какие действительно доносились с гор Заквака – даже Дом Дружбы понять не мог. От этого имя прорицателя становилось всё более известным и, по донесениям, в некоторых отдалённых районах Родни население чтило его как святого. Однако перед лицом опасности Агни предложила встретиться и с этим «безумцем», как назвала его она: в минуты смятения можно было ожидать роста авторитета Нордны, и его нужно было нейтрализовать. Йердна решил не мешать этому, но сам к отшельнику не пошёл. И причина была веской.

...Поле над трясинной миновали удачно, а сразу за ним начинался крутой подъём в гору. Тропка шириной в полметра была аккуратно выдолблена в почти отвесной скале. Она вилась над трясинной, поднимаясь всё выше, и вдруг нырнула вглубь горы в узкую пещеру. Проводник зажёл факел, но он горел плохо – не хватало воздуха. Четыре члена комиссии и двое стражников словно потерялись в темноте. Шли они молча, и за весь путь только Авов один раз жалобно ойкнул: ударился о выступ. Примерно через час пути проход резко повернул влево, потом так же резко – вправо, и путники вышли на свет. Перед ними была уютная маленькая долина,

плотно окружённая скалами. На их вершинах блестел снег, а внизу – всё цвело! Впервые за время похода комиссионеры увидели листья, множество листьев, как и положено в это время года. Буйно разрослись всяческие травы, раскидистые кустарники, невысокие пирамидальные ели окаймляли долину. Пахло нагретой землёй, цветами, настойчиво жужжали пчёлы. Пришельцы настороженно оглядывались, ожидая увидеть некую хижину, где обитал бы одетый в шкуры седобородый прорицатель с сумасшедшими глазами. Но жилья видно не было.

– Ждите здесь, – отрывисто приказал проводник и скрылся в густом кустарнике.

Измученные путники опустились на землю. В молчании прошло четверть часа. Только громко пели пчёлы и большая неуклюжая птица шумно прошлёпала крыльями, низко пролетев над долиной. Нордна появился неожиданно и бесшумно. Он вышел один из зарослей и упругой походкой быстро направился к непрошеным гостям. Прорицатель был в короткой тунике, тесно облегающей его мускулистое подтянутое тело. Вопреки ожиданию он был гладко выбрит и коротко подстрижен. На загорелом лице резко выделялись светлые, внимательные, спокойные глаза. Роста он был высокого и держался очень прямо. При виде отшельника в душе Агни шевельнулось нечто настолько женское, сладкое, томительное, что она даже была вынуждена одёрнуть своё податливое сердце, напомнив ему о деле, которое – превыше.

Прорицатель был настроен весело.

– Государственный преступник рад приветствовать высокогородных правителей!

Секундное замешательство Нордна сам и рассеял.

– Не беспокойтесь, вы в безопасности.

Но тут же добавил:

– Погибнуть вам суждено в других местах.

– Хорошенькое начало, – буркнул себе под нос Авов.

Агни освободилась от чар Нордна, взяла себя в руки и решила перехватить инициативу:

– Мы хотим задать вам несколько вопросов, хотя, судя по всему, этой долины беда не коснулась...

– Мне не надо задавать вопросов, – улыбнулся Нордна снисходительно. – Ответ задачки, которая вас всех переполошила, ищите в себе. Впрочем, советую вам вернуться в Столицу. Поездка ничего вам не даст: листья не распустились по всему острову, не считая трёх-четырёх мест, включая моё убежище. Вы, Муан, в своих мыслях близки к разгадке, но вы слишком поклоняетесь науке, чтобы дать сейчас точный ответ.

Нордна беседовал совершенно светским тоном, будто разговор шёл где-нибудь во дворце, за бетелем.

– Но это не важно, – продолжал он, – разгадка ничего вам не даст. Запах смерти очень силён. Ясав, смотри внимательней, но не так, как сейчас – смотри для другого. Агни, если б ты могла стать иной, ты умерла бы счастливой. Впрочем,

шанс у тебя есть. Авов, меньше ешь. Муан, всё запиши, нарисуй схемы – они потом поломают головы...

Члены Комиссии стояли, не шелохнувшись.

...У Йердны была очень веская причина не стремиться к встрече с Нордной. В начале своей карьеры он входил в особую секретную группу, занимавшуюся делом восьмого декабря Дома Изучений Нордны, который предсказал смерть одной из Бабушек за месяц до этого события. Он сделал это, несмотря на то, что о смерти Бабушек вообще никогда не сообщалось, да и не могло быть сообщено: их смена была величайшим секретом Родни. Этот Нордна – тогда молодой ещё человек, изучавший всякие древние документы и письмена, – впоследствии отдел истории Дома Изучений был ликвидирован за ненужностью, – делал эти предсказания своему шефу – помощнику Бати Изучений. За год, помимо смерти Бабушки, он предсказал недород, ураган и нашествие саранчи на Южную Родню, хотя никогда там не бывал. Призванный для следствия в Квартиру, он утверждал, что в этом ему помогают открытые в старых бумагах Законы Весов Истории. Его побоялись убить, но сослали в отдалённую Родню. Когда же он и там стал пророчествовать, его объявили безумцем, и он скрылся в горах Заквака. О его деле доподлинно знали всего человек десять в Родне, да и то половина из них уже померло. Но Йердна прекрасно помнил всё. Особенно тот день, последний день Нордны перед ссылкой, когда пророк в ответ на какой-то вопрос молодого следова-

теля Йердны сказал: «Не трудись понять меня, но запомни: следующая встреча со мной принесёт тебе смерть».

Больше они не виделись, и Йердна, естественно, не добивался этого. Его не утешало и то, что – согласно подсчётам самого Нордны – он ошибался в трёх предсказаниях из десяти.

...Пророк глядел на них с улыбкой.

– Вы призвали смерть, и теперь она рядом. Уже поздно спастись.

Нордна повернулся, чтобы уйти, но сразу не ушёл, а сказал медленно:

– Впрочем, когда-нибудь всё повторится.

Уже уходя, он сказал, не обернувшись:

– Вот и вишня зацвела. Люблю вишню...

Нордна скрылся в густых зарослях свежей листвы, потом оттуда вынырнул молчаливый проводник и повёл их обратно через проход, через поле над трясинной, по лесным запутанным тропам. Где-то в середине чащи он потребовал сто танталов, взял их и велел комиссионерам идти вперёд и только прямо. Примерно через фиакр они обнаружили, что проводник исчез. Но тропа вывела их к лагерю, где они молча выслушали личное послание Великой Бабушки, полученное Йердной в их отсутствие.

«Милые дети! Бросайте вы эти листочки к дьяволам и бегите скорей в город Нинилак. Там всякие нехорошие люди совсем от рук отбились и начали хулиганить, просто беда с

ними! В общем, если честно говорить, там что-то вроде бунта, а отчего да почему – не пойму я, старая. Уж вы помогите мне, солнышки мои! Войска я послала, об этом не беспокойтесь. Главное – чтобы Власть Родни там была чин по чину. Вот вы её и установите, лады? Кланяются вам все наши семейные. Всех вас целую, ваша Бабушка».

ПОСЛАНИЕ, ПОЛУЧЕННОЕ ЙЕРДНОЙ НАКАНУНЕ НОЧЬЮ

«Доверяю секретнейшее. Обстановка резко обострилась. Дело дошло до того, что на семейном совете брат Валсидалв открыто обвинил Бабушку в небрежении государственным долгом. Через два дня торопливый Валсидалв был отравлен, а ночью около ста его сторонников были преданы скорой смерти у своих очагов. Силы Дома Дружбы выведены из игры: сокрушительный пожар уничтожил почти весь архив Дома. Его слуги пребывают в полном смятении: жало вырвано. Реальной силой остаётся Сообщество Неугомонных Матерей. Контакты моих представителей установили, что матери не прочь найти в нас поддержку. Йердна, союз с Агни нужен сейчас, как никогда! Это главное. Кстати, Муана береги, он нам может очень пригодиться, но это – потом, когда вернёшься. Знай, что в Нинилаке вспыхнуло восстание. Судя по моим сведениям, это стихийный бунт населения и для нас он серьёзной угрозы не представляет. Но остерегайся появляться там! В Нинилаке убиты все представители Родни,

восстание можно подавить только силой оружия. Если Бабушка прикажет тебе следовать туда, знай, что это ловушка! До прибытия войск в город не суйся. И вообще – плюй на листики и двигайся к дому. Время не ждёт. Римовалс».

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ, ПОЛУЧЕННОГО АГНИ ТОЙ ЖЕ НОЧЬЮ

«...после смерти Валсидалва и пожара в Доме Дружбы мы и сторонники Римовалса – единственные силы. Но поодиночке нам старого прохвоста не свалить. Если ты велишь идти на союз с Римовалсом, мы не поколеблемся и минуты. Но решать нужно сейчас: прохвост слаб как никогда, но может что-то такое удумать, чтобы снова оказаться на коне. Как не хватает нам твоего присутствия! Возвращайся, как только можешь быстро! Время не ждёт. Преданная тебе сестра Янат».

А Йегрес той ночью вновь получил бутылку целебного снадобья, и – спасибо ему! – злой, неудобный, опасный мир уплыл куда-то к дьяволам, и перед йегресовым взором предстал райский уголок неизвестного городка у моря, где хватало места и пенистому прибою, и обширному песчаному пляжу, и виноградникам, и белым домикам в тени садов, и зелёным холмам, окутанным дымкой раннего утра и, главное, – ему, Йегресу, беззаботному, загорелому, босому. С большой плетёной корзиной, полной крупной варёной кукурузы, он выходил днём на пляж, где валялись богатые без-

дельники-отдыхающие, и кричал зазывно: «Кому кукурузы?! Берите кукурузу! Полтантала за пять штук! Лучшая кукуруза на побережье!» Тем он и жил до самого рассвета, до конца сновидения, подаренного прекрасным снадобьем, запрещённым за якобы опасное воздействие на разум. Говорят, раза два попробуешь – и уже не отвыкнешь. А надо ли отвыкать-то? В этом гнусном мире и так слишком мало радостей, слишком мало, считай – совсем нет...

Почти месяц не брался за перо. Дома даже аппарат не включал. Грустно как-то, пусто, и писать не хотелось. Для кого писать-то? Где он, кто он – «друг-читатель»?! Кого и чему могу я научить? Взрослые люди – такой народ, что им всё уже давно ясно. У каждого – сложившийся взгляд на мир, и не мне переделывать его. Что я, со своим скудным опытом городской жизни, жизни секретаря в ЖЭКе, могу им открыть нового? Ведь они уверены, что всё постигли. Ведь для них искусство – часть сферы обслуживания.

Несть пророка не токмо что в своём отечестве, но и в своём времени. Скучны им будут мои описания. Единая надежда моя – молодёжь. Эти жадны до нового, восприимчивы... Только молодёжь сейчас... Уж такая целеустремлённая – просто спаси Господи! Тоже – всё знает. Куда, зачем, почему, что можно, что нет, когда надо, что полезно, кто есть кто... Юноша пылкий со взором горящим – ну! Впрочем, если и найдётся такой юный «друг-читатель», вырастет – всё

равно свиньёй станет. Вот и пиши.

В частности, Ясав не мог понять одного: что значили слова пророка «смотри для другого». Яса был глазами и ушами Бабушки и смотрел для него. Так, может быть, пророк советовал найти другого хозяина? Или же он имел в виду, что смотреть надо для другой цели?.. Ясав заметил, что и другие члены Комиссии не остались равнодушными к предсказаниям Нордны. Агни стала задумчивой, говорила мало, допоздна сидела у костра; Муан, напротив, рано уходил в шатёр и, как догадывался Ясав, писал что-то; Авов почти перестал есть, хотя ему стоило страшных мучений смотреть, как другие уплетают жареных фазанов. И лишь Ясав со взбаламученной душой не знал, что делать. От потерянности он стал перебирать дни прошедшей жизни, но память подбрасывала ему единственный скучный сюжет: вот он в Доме Справедливости сидит за очередным отчётом, вот выезжает в провинцию для борьбы за сохранение комаров и бессмысленно торчит на вонючих болотах, вот возвращается в свой пустой дом, вот ложится под крики уличного вестника, и вот встанет под те же крики, чтобы снова ехать в Дом Справедливости, вот Анири жадно глядит на золотой браслет... Вся его жизнь, уже наполовину прошедшая, внезапно представилась убогой, никому не нужной, жалкой, и под треск костра Ясав начал понимать, что жил он неправильно и никчемно, подчиняясь течению дней, которое не вело никуда, а только в ту

окончательную пустоту, где не было видно ни зги. Он чувствовал, что пророк понял это, но почему-то не дал ясного совета – как быть и что делать. Ясав за всю свою жизнь не задавался такими вопросами, и теперь ему было мучительно самому искать ответы на них. Раньше цели стояли перед ним так незыблемо, что сомневаться в них можно было разве что по недоумию, но вот налаженный порядок сломался, и оказалось, что цели эти были пустышками, и почва ушла из-под ног. Он снова и снова думал о словах Нордны. Другой хозяин? Кто? Другая цель? Какая? Нет, всё не то, – подсказывало Ясаву какое-то лишнее чувство – не то седьмое, не то восьмое... Тёмен был смысл совета, но ведь и мир был тёмный, непонятен, и при свете полуночного костра жизнь представилась Ясаву непроницаемо чёрным лесом, самой ночью, сплетённой из тайн, раскрыть которые не дано никому и никогда...

ОТРЫВОК ИЗ КИНОСЦЕНАРИЯ

– Ты спишь?

– Нет.

– Ты любишь тишину?

– Нет. Иногда я боюсь её. А ты?

– Не знаю. Я об этом никогда не думала, только сейчас.

– Тишина – опасна.

– Наверное. Я не привыкла бояться.

– Ничего?

- Ничего. Ты, кажется, завидуешь?
- Может быть. Чуть-чуть.
- Я всегда думала, что ты очень сильный.
- Я и есть сильный.

Они говорили шёпотом и медленно. В долгих паузах они слышали тишину мёртвого леса и редко – слабый треск ко-стра (здесь надо дать ночной пейзаж. Очень лаконично, но выразительно. И атмосферу: всё тихо, но напряжённо).

- Агни, ты любила когда-нибудь?
- Да, ещё девчонкой.
- И что же?
- Ничего. Потом выросла.
- И больше уже не любила?
- Ну я ведь сказала.
- Холодная нынче ночь.
- Мне кажется, должен пойти дождь.
- Дождей давно не было. Ты хочешь?
- Да.

И спустя час зашумел дождь.

- Ты очень нежный, Йердна.
- Спасибо. Мне давно так не говорили.
- Это правда.
- Я знаю. Хочешь, скажу, как зовёт меня мать?
- Скажи.
- Кролик.
- Как хорошо.

– Можешь тоже звать меня так.

– Лучше я не буду.

– Как хочешь.

– Ты сердишься?

– Я никогда не сержусь.

– Почему?

– Я человек действия. Любимым я всё прощаю, всем другим – мщу.

– А мне?

– Вот и дождь кончился.

(ПЕРЕРЫВ КИНОСЦЕНАРИЯ)

Город Нинилак от моря уходил по склонам вверх и там терялся в холмах. Сложен он был из белого камня, покрыт рыжей черепицей и увит виноградными лозами, густыми и плодоносными. От этого, как помнил Ясав, воздух в Нинилаке был томительно сладок. Улицы громоздились одна над другой, отделённые каменными террасами, которые, как ступени, уводили выше и выше, туда, где сейчас в сплетении сухих кустарников притаились Ясав и двое стражников. В ранний час ясного дня, обещавшего стать ослепительно солнечным, они наблюдали мятежный Нинилак, таивший ещё не понятную до конца угрозу.

Йердна всё же решил идти на Нинилак: открыто не повиноваться Бабушке было ещё рано. Однако он прикинул, что войска, – если они и вправду были отправлены, – должны

прийти в город дня через три-четыре, а Комиссии было туда лишь два дня пути. Поэтому всячески затягивал поход: устраивал частые и долгие привалы, без нужды то и дело посылал стражников на разведку, заставляя всех ждать их возвращения, а в 20-ти фиакрах от Нинилака и вовсе приказал сойти с дороги в холмы и там дождался наступления темноты. Ночью Комиссия приблизилась к Нинилаку на расстояние двух фиакров, и в потайном месте, не разжигая огня, заночевала. На рассвете Ясав и двое стражников были посланы в разведку.

Город казался вымершим. Ясав видел его года три назад, и сейчас был неприятно удивлён его видом. Ни единого листочка не виделось на лозах, всегда густым навесом скрывавших строения, ни одна птица не подавала голоса, и даже свиньи, обычно десятками бродившие по улицам, исчезли. Город стоял, сверкая обнажённым камнем, и лишь далёкий шум прибоя нарушал безмолвие.

– Будем ждать, – шепнул Ясав спутникам. – В город ходить опасно.

Так они и сидели, наблюдая, как поднимается солнце. И когда оно приблизилось к зениту, Ясав понял, что дело неладно: ни одна живая душа не показалась на улицах, добрый десяток которых отлично просматривался с холма.

– Пойдём, – сказал Ясав, набравшись духу, и поднялся во весь рост.

Тропа с холма вывела их на задворки захудалогодомиш-

ки. Его двери были открыты, но Ясав не решился зайти внутрь. С пиками наизготовку, с длинными резаками в руках трое вышли в переулок, зажатый меж двух каменных стен высотой в человеческий рост. Они прошли до угла, и Ясав медленно заглянул за него – на широкую улицу, шедшую к морю. Было тихо и пусто. Под порывом ветра где-то хлопнула рама открытого окна – и снова стало тихо.

– Поглядите, – шепнул один из стражников, тронув Ясава за плечо. Он обернулся. В другой стороне от угла, посередине улицы, лежала куча тряпья, похожего издали на одежду шлемоносца. Трое осторожно подошли к ней – и отшатнулись.

– Великая Бабушка, что же они с ним сделали, – в ужасе протянул стражник.

Тряпье прикрывало куски разорванной плоти, когда-то бывшей человеком. То, что было головой, валялось поодаль.

– Это не люди, – сказал Ясав.

– Мерзавцы, подонки, – откликнулись стражники, не в силах отвести взглядов от страшных останков.

– Нет. Это сделали не люди. Смотрите – части тела просто нет. По-моему, беднягу кто-то сожрал... Заметьте, крови почти нет ни на нём, ни вокруг.

– Великая Бабушка, что же это...

Ясав соображал быстро. Он знал своих соплеменников: они могли убить шлемоносца, повесить его, выставив труп на всеобщее обозрение, или даже таскать его по улицам под улюлюканье толпы. Но на изощрённые пытки, на зверство...

Нет, не способны! Это – загадка, уже вторая задень, и не одна ли у них разгадка?

Ясав не хотел возвращаться, не выяснив всего. Трое, ступая как по полю над трясинной, двинулись по улице. Хлопали рамы окон под ветром, шуршали голые виноградные лозы, прибой методично шумел впереди...

Ну понаписал! Просто фильм ужасов, Хичкок какой-то доморощенный. Прочитал – и даже сам испугался. Вот что значит – довериться фантазии. А она и вывела из тайников подсознания страстишку ко всяческому щекотанию нервишек! А где же игра ума, блеск интеллекта, фонтан воображения?! Ну что тут можно нового придумать? Теперь, значит, как положено, выползет из подворотни какая-нибудь волосатая мерзость на восьми мохнатых лапах, с вонючей пастью и начнёт гоняться за Ясавом. Сожрёт обоих стражников, а герой – ну как же иначе! – спасётся по чистой случайности. И Ясав, конечно, поймёт, что нашествие этой гадости погубило жителей, и тэ дэ, и тэ пэ. Тут ещё можно наvertеть, что к городу подходят посланные Бабушкой войска, а Ясав их предупредить не успел, и их всех под душераздирающие вопли лопают эти страшилища. Море крови... Тебе, Георгий, надо бы в Голливуде работать, какие-нибудь «Челюсти крёстного отца» стряпать, а не хорошую литературу писать. Стыдоба! Чехова надо читать, Бунина, Льва Николаевича, а ты... Тьфу!

– Поглядите, – шепнул ему один из стражников, тронув Ясава за плечо. В другой стороне от угла, на обочине улицы, шедшей на холм, сидел на корточках старик в сером холщовом балахоне. Он безразлично смотрел на Ясава и его спутников. Они приблизились.

– Здравствуй, – сказал Ясав.

– Здравствуй и ты, если не шутишь, – спокойно отозвался старик и поковырял пальцем в ухе.

– Скажи, что случилось с жителями славного города Нинилака, где они?

Теперь старик полез большим пальцем в нос и долго ковырял там, не достаивая ответом. Закончив, он сказал:

– Спасаются.

– Что это значит?

– То и значит, что спасаются. От Бабушки.

– Зачем же они это делают?

– А с испугу. Сначала сильно разозлились и всех начальников перебили, а теперь, значит, спасаются.

– А на что же они разозлились?

– Да так, – неопределённо прошамкал старец. – Вообще... Житья нету.

– А раньше – было житьё?

– Откуда? И раньше не было.

– А теперь что ж?

– И теперь нету.

– А где же они спасаются? – переменял тему Ясав.

– В горах, где ещё...

– Что же ты остался?

– А мне помирать скоро.

– И долго твои земляки так спасаться будут?

– Долго. Может, неделю, может, две.

– А потом?

– Потом надоест. – Старик помолчал. – Потом возьмут зачинщиков, скрутят, отведут к властям. Как положено.

– Зачем же было бунтовать?

– А как иначе-то? Без этого никак нельзя. – Старец опять замолк и стал усиленно чесать грудь под балахоном. Потом сказал: – Это, значит, чтоб уважение соблюсти.

– К кому?

– Ясное дело – к себе.

С тем Ясав и вернулся, успокоив Йердну, который лишь слегка посмеялся. К вечеру того же дня прибыли войска, посланные Бабушкой. Когда Йердна увидел их, то зло сжал зубы: пришло лишь десять шлемоносцев. Если бы и вправду восстание бушевало в Нинилаке, то и эти несчастные, и сам Йердна были бы обречены на верную смерть. «Ну что же, – подумал он, – и это я тебе припомню в твой последний час, старый мерзавец». Йердна был человеком действия.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ЙЕРДНЫ РИМОВАЛСУ

«...Ловушка, ждавшая нас в Нинилаке, к счастью, не уда-

лась: мятежники, испугавшись мщения, удрали в горы и теперь готовы выдать своих главарей. Жалкого отряда в десять человек, думаю, будет достаточно, чтобы впредь удержать их в повиновении. Но стремление старого пройдохи расправиться со мной и всей компанией убеждает меня в том, что настало время решительных действий. Рад сообщить, что Агни и её неугомонные бабёнки будут с нами. Мы возвращаемся. Йердна».

Не такой уж он негодяй, этот Йердна! Человек энергичный, разумный, хороший организатор. Кроме того, как выясняется, обладает нежным сердцем и может сделать женщину счастливой. Не забудьте, что живёт он очень скромно, с мамой, которую преданно любит и о которой заботится, как не каждый станет. Нет, честное благородное, он мне даже симпатичен! Конечно, он интриган, но в каких трудных условиях он вырос! В другом обществе – в нашем, например – он мог бы стать положительным героем и принести много пользы людям.

Между прочим, это и Агни касается. Сложись её судьба удачней, живи она в другое время – кто знает, какой бы она была! Думаю, вышла бы из неё замечательная общественная деятельница, наверняка – передовик производства, хорошая мать и жена. Просто не повезло ребятам, а сами-то они славные, ей-богу, славные!

Ну что толку писать о плохих людях?! Только талант рас-

трачивать. Какой-нибудь Штанинников – чего о нём писать? Дурак, стяжатель, бюрократ, пустое место – тьфу! Или моей благоверной товарки! Тихий ужас. То ли дело – Йердна, Агни, Ясав, Муан, сам Бабушка – какие интересные характеры, какие внутренне богатые люди! «И пальцы просятся к перу...» Вперёд, воображение!

Единственно, кто меня беспокоит – так это Йегрес. Какой-то он у меня ни рыба ни мясо. Надо бы его как-то повернуть, раскрыть, что ли...

Главный стражник Йегрес плевать на всё хотел с высокой башни. Он знал в жизни всё, всё видел, ничего не хотел и не стремился ни к чему. Давным-давно, «на заре туманной юности», он был очень энергичным и деятельным, стремительно делал карьеру, шёл по головам и трупам, не стесняясь помогать себе где доносом, а где и ядом. В 40 лет он достиг своего «потолка»: выше прыгнуть не мог, так как не был членом Семьи. Сын старшего стражника в Доме Справедливости, он занимал теперь высокое положение, но «завод» кончился. Йегрес изработался по пути наверх. Где он «сломался», он и сам не смог бы сказать. Может быть, когда враги отравили его жену, может быть, когда оба сына погибли в очередной победоносной войне – неизвестно. Но для него жизнь утратила свои цветы, и радость он находил лишь в дьявольском снадобье, уносившим его прочь от гнусного мира. Он понимал, что жизнь переделать нельзя, и даже пробовать

не стоит. Он понимал, что человек был и остаётся всегда скотом, и только скотом, и это непоправимо. Он понимал, что время несёт людей к смерти бессмысленно и бесцельно, и все радости человеческие – лишь оазисы в нескончаемой пустыне. И только это – непререкаемые истины, а всё остальное – словесная мишура, пыль, блёстки короткого карнавала. И кто этого не понимает – крошечный дурак, с которым даже говорить унижительно. А кто понимает – тот свободен, тот всегда прав. Тот может пойти повеситься или спалить со скуки дом соседу – всё равно. Что осталось от тех, кто жил, скажем, лет шестьсот назад? Пустота.

А ведь тоже – суетились. Что-то там делали, говорили, мечтали о чём-то. Никого нет, всех забыли, всё – тлен. Вот и нас с нашими заботишками забудут, – так считал Йегрес, и был по-своему прав. Впрочем, нет человека, который не был бы прав «по-своему». Так-то, други.

Но человек живёт для радости, и находят её – кто в чём. Для Йегреса она была в его снадобье – чудодейственной марьюне. И на вторую ночь после того, как Комиссия повернула от Нинилака к Столице, он снова вышел на пляж продавать свою отменную кукурузу, и какой-то загорелый бездельник, сидевший на молу над морем, позвал его, и он поторопился туда, но поскользнулся на мокрых камнях мола, и тяжёлая корзина увлекла его в воду, и хоть было не очень глубоко, Йегрес захлебнулся и не выплыл из сна.

Утром Авов причитал над его трупом, а рядом валялись

две бутылки из-под марьюны – слишком большая доза.

Что за мерзкая погода стоит! Не снег, не дождь, а прямо слякоть сыпется-лётся с небеси, и всё таким туманом глумим затагнуто, будто над всей Москвой, над всей жизнью дымовую завесу повесили, и уходим мы за ней от невидимого врага. Уж лучше бы пурга или ливень проливной – так нет: природа словно простудилась и захандрила – и не больна, и не здорова. Режиссёр Рязанов пишет, что у природы, мол, нет плохой погоды. Счастливый, должно быть, товарищ...

Где там мои герои-то? На пути к Столице? И сколь же им, сердешным, осталось маяться? Сейчас прикину. Войскам, как подсчитывал Йердна, идти до Нинилака 3–4 дня. Йегрес помер на вторую ночь пути, то есть, очевидно, через полтора суток (вышли-то к вечеру того дня, когда Ясав ходил в разведку). Значит, считая с утра, осталось им идти полный день, а часам, скажем, к пяти следующего дня они должны были быть в Столице. Ну, поехали...

Пятеро комиссионеров молчали, минуя пустые безгласные леса, серыми стенами сжавшие дорогу. Каждый готовился к тому отрезку жизни, который всем казался важнейшим в ней. Ещё несколько часов – и кончится напряжённое безделье поездки, настанут дни, которые потребуют всех сил без остатка, без неприкосновенного запаса и, может быть, сил сверхчеловеческих. Даже Авов, ещё не понимая ясно того,

что ждёт его, чувствовал: его мир – мир нежной Анеле, тёплых ванн, обильных обедов и возлияний – под угрозой, и придётся что-то сделать, чтобы спасти его, непонятно от чего, но спасти. Во что бы то ни стало...

МУАН (сон)

Только добрый бог мог подсказать это! Бог – друг, бог – защитник! И вправду, жизнь не кончается мной, что за чушь такая – думать, будто ты начало и конец. О нет, нет! Звено! Звено в огромной цепи поколений, созидающих землю нашу, ибо она – лишь материал, прекрасный, заманчивый, но – материал. Мы – творцы лица её! Может, этот Нордна и был посланником моего друга-бога? Или – он сам?! Впрочем, неважно это, спасибо ему, кто бы он ни был!

Жаль дней, лет, потерянных в одиночестве, бездействия. Больше не будет этого. Всё записать, сохранить, передать тем, кто придёт после, и этим осветить их путь к истине. Это значит – стать не пустым звеном в цепи познания, а продлить её, построить ступеньку лестницы, ведущей вверх, вверх! Я вижу стаи вертолетов, взлетающих над цветущей землёй, я вижу людей, управляющих ими – свободных, уверенных в жизни, вижу гигантские корабли, идущие по водам океана от острова, который стал моей золотой тюрьмой, к земле, бывшей моей родиной, любимой и утраченной навек.

Ах, Муан, Муан – жизнь прекрасна и на закате своём!

ПРОДОЛЖЕНИЕ КИНОСЦЕНАРИЯ

– Я говорила тебе, что ты очень нежный?

– Да, спасибо.

– Это тебе спасибо. Я тоже хотела бы быть такой.

– Через много веков будет жить поэт. Отважный. Чистый.

Грустный. Одинокий. Он будет любить женщину, похожую на тебя. И напишет ей, печально сожалея: «Ты слишком долго вдыхала тяжёлый туман, ты не хочешь верить во что-нибудь, кроме дождя».

– Да, это так. Но ты всё придумал.

– И придумал правду.

– Слушай, мне кажется, что это наша последняя ночь в такой тишине и покое...

– Я полюбил тишину, Агни.

– Я тоже хотела бы полюбить.

Долгая, долгая пауза. В кадре – только их руки – одна в другой, без движения. Тихо – орган, но не Бах, а кто-нибудь из прибалтов, например, Алфред Калнынь. Шёпот.

– Не хочу говорить о делах.

– Не будем, милая.

– Я их ненавижу.

– Я тоже.

– Я умею ненавидеть. Я очень хорошо умею ненавидеть.

– Но от них не уйти.

– Поэтому я ненавижу их ещё больше.

Лица. Свет красноватый, слабый, колеблющийся. Глаза их закрыты. Снова орган – очень тихо, несколько тактов. Следующий кадр – мрачный, тёмный лес вокруг шатра. Камера панорамирует. Снова их лица. Тишина.

(ПЕРЕРЫВ КИНОСЦЕНАРИЯ)

О, как мечтал я о такой любви! Я вижу её, вижу на экране моего проклятого мучительного воображения! Не идеальной, не пасторальной – земной, сложной, пусть даже трагической, но страстной, мощной, сжигающей все другие чувства! Как желал я быть её пленником, её безгласным и радостным рабом! Я был молод, был чист и не страдал от того, что валенки разлезались у меня на ногах, и я шлёпал в опорках по чёрному снегу эвакуации. Мы работали по 16 часов в сутки и ночевали на заводе, и стальные болванки бомб уходили из наших рук, чтобы где-то вдаль уничтожить несправедные жизни, но дело было не в этом, совсем не в этом! Я, стриженный парнишка, освобождённый от мобилизации по болезни, мечтал о любви. Я видел её, как редко вижу сейчас. Она не имела облика, лица, плоти, и не воплощалась в образ прекрасной, волнующей девушки. Нет, это было... не знаю, не знаю, что это было, не могу ни описать, ни объяснить... Как нет лица у тревоги, страха, радости – так и у неё... Было

ощущение, ясное, видимое ощущение: она здесь! Всем своим хилым телом, запрятанным в драную телогрейку, я чувствовал, как прекрасно это. Прошли долгие, ровные годы, и из тумана выплыл образ нежно сплетённых рук, освещённых колеблющимся красноватым светом. И туман растаял дождём, опустился на землю, обнажив ровное голое поле, пустое до самого горизонта. Но это потом, потом... А тогда...

Вот настала Победа, и Челябинск, завод, голод ушли в воспоминание, вот я вернулся в Москву, встал к станку на «Динамо», я вижу себя в общежитской библиотеке, в углу, за полками, сидящего на табуретке и пишущего торопливым ломким почерком на краю стола. Я много, жадно писал, хотел поступить в Литинститут и верил, что это, всегда стоявшее рядом и сладко терзавшее меня ночами, скоро обернётся восхитительной явью. Так я метался – от искусства к мечте, так я рос, так стал человеком. О нет, я не был книжным червём! И заводские наши застолья слышали мои оглушительно весёлые песни и тосты – только за здоровье! Я был жизнелюб! Боже праведный, как странно, как далеко, как неправдоподобно звучит сейчас: «Я – жизнелюб!» Этот полысевший угрюмый человек, что-то отстукивающий на машинке в ЖЭКе – я! – был жизнелюб!.. Да, девчонки любили меня, любили не так, как, кажется, любят молодые теперь – от постели до постели, а как любят весёлых и умных друзей. Но это (там, за спиной, где у ангелов крылья, и в сердце) не отзывалось долгожданным «да» на зов их чистых губ. До 24

лет я не знал женщины, и не стыжусь этого, как застыдился бы нынешний юноша. А потом – Рая. Нет, даже теперь не поверю я, что этот пронзительно ясный трепет сердца был обманом! Всё было правдой, единственной и прекрасной. Я видел её такой, какой она и была: полной, пышной женщиной из тех, кого зовут «вальяжными», женщиной, от которой ушёл муж, пьяница и подлец, наверное... женщиной, старше меня на три года и старше, опытней в той страсти, о которой я лишь мечтал. Мы стали близки задолго до свадьбы, и туманное видение любви, уже давно будоражившее мою душу, в одну ночь обрело зовущую, нежную плоть. О, я был счастлив, счастлив безмерно, неслыханно счастлив, как не был счастлив никто из нас, разменявших свои мальчишеские сердца на потные пятаки привычного скотства! Я ни в чём не обманывался. Да, моя разведённая Беатриче, моя Джульетта, заведовавшая заводской столовкой, была моей судьбой, и спасибо за это, спасибо милосердным богам.

Она стала моей женой. Жена! Сколько счастливого спокойствия, сколько тихой нежности, ласки, и сколько полуночных вспышек страсти было для меня в этом слове! До сих пор сжимается сердце – это со мной навсегда, не только до могилы, но и за ней.

Вскоре Рая забеременела. Что искусство, что литература, что все премудрости мира против этого тихого чуда! Я стал иным – уже не был больше сопляком, перекаати-полем, мальчишкой: я обрёл продолжение в бесконечном мире и смот-

рел на него глазами хозяина, утвердившего себя на земле. И родился сын! Ну что тут говорить...

И вот, казалось, что все неясные видения, к которым так жадно рвалась моя душа, стали жизнью, прекрасной в своих буднях. Жена. Сын. Любовь. Вершина достигнута, впереди—...

Но что же впереди, друзья мои? Ведь не может человек без того, чтобы не идти к вершине. Если нет её, если позади осталась, то – спуск. Так оно и вышло – в расплату за счастье. Но про это писать не хочу. Больно мне, больно – поймите...

И на экране моей мучительной памяти я вновь вижу Её – без плоти и образа, и вновь тревожит она моё старое сердце, но теперь это во сто крат пронзительней, потому что я знаю, что уже никогда не войдёт в мою обгорелую душу Любовь. Просто не успеет войти...

Ах, фантазия моя разлюбезная! Опять шут его знает куда увела! А ведь хотел эдак плавно перевести любовный диалог Агни и Йердны в обсуждение заговора против Бабушки. Ни хрена не вышло. Что значит – раскрепоститься... Ладно – всё. К делу!

ПРОДОЛЖЕНИЕ КИНОСЦЕНАРИЯ

- Легче всего убрать старого пройдоху – и дело с концом.
- Это само собой, дорогая.
- Занять вашими людьми Квартиру... Сколько у вас солдат?

- Примерно триста пик. Верных. Есть ещё колеблющиеся
- эти пойдут, куда ветер дунет.
- Достаточно. За нас стоит пик 100–150.
- Ого!
- Любовь женщины, мой милый – это непобедимое оружие.
- Значит, армия за нас.
- Стянуть надёжные части к Столице вы можете?
- Да, конечно; правда, только в три дня. А вы?
- Все наши в Столице. Разве можно любить на расстоянии?
- Первый день – жизнью не жалеть. Кровь, кровь и кровь! Потом сыграем в добродетель и гуманизм.
- Не будет ли это слишком... громко? Представь – сотни солдат у Квартиры, резня на улицах, общий переполох?
- А ты думаешь, всё должно быть тихо?
- Как объяснить народу?
- Гнусный Враг с Каверзного Острова совершил внезапную атаку на Квартиру. Доблестные воины Великой Бабушки отразили коварное нападение и спасли бесценную жизнь Нашей Любимой. Переоденем десяток трупов в какие-нибудь пёстрые тряпки и выставим на всеобщее обозрение: поверженный Враг.
- Ты моё солнышко...
- Агни!
- Да, да, да...

По всем законам здесь бы надо дать описание рассвета. Туман от земли, неясные силуэты леса, светлеющее небо... Но ведь, чёрт побери, нельзя, невозможно, не в человеческих силах описать природу так, чтобы вся она, живая, предстала перед глазами читателя. Вот я прошлым летом взял на дачу Тургенева. Красиво написано, наблюдательность видна, редкостная любовь к природе. А закроешь книжку, выйдешь в лес – мать честная! Да что там книжечки, что всякие описания да расписыванья, пусть хоть самого Ивана Сергеича! Пустяки это всё перед великой Матерью-природой. Только крошечку, малую крошечку может описать сочинитель, да и то не так хорошо, как оно на самом деле есть. И браться за это не стоит. Писатель может лишь напомнить читателю то, что тот сам уже повидал и полюбил – и всё. А попробуй слепому опиши... ну хотя бы обычную берёзу. Не выйдет ни хрена! Значит, нечего разводить пейзажные красоты на бумаге. Надо просто обращаться к памяти читателя: так, мол, и так, дорогие товарищи, представьте себе, что было раннее утро на опушке елового леса; солнце ещё не взошло, и стоял негустой туман – у самой земли. Или: вообразите солнечный полдень, дорогу через поле зрелой пшеницы и тёмную полосу леса справа на горизонте. Видел, знает, представит. А не видел – ну и чёрт с ним, всё равно не поймёт!

Ладно, поехали дальше. Значит, там рассвет, лес, туманчик и прочее в таком духе.

– И всё-таки есть в твоём плане изъян.

– Какой?

– Как объяснить народу, что наши солдаты бьют наших же? Ведь так и будет.

– Чего проще, дорогая. Объявим, что Враг подкупил горстку недостойных наших соплеменников, жалких тщеславцев и отщепенцев.

– У тебя государственный ум, кролик.

– Что? Как ты назвала меня?

– Кролик... Ты ведь этого хотел?

– Знаешь, Агни, а я... я полюбил тебя...

– Молчи, не надо, я боюсь...

– Ты же говорила, что ничего не боишься?

– Да. А сейчас боюсь. В первый раз.

– Значит, я лишил тебя невинности.

– Дурачок...

– Агни, а я думаю о Семье.

– Мы все о ней думаем.

– Нет, не то... Ты ведь не член Семьи?

– Нет, ты же знаешь.

– И я не член...

– На что ты намекаешь?

– Слушай, почему ты идёшь против Бабушки? Ведь вы же много лет...

– Ты что, ревнуешь?

– Просто хочу понять.

– Женщину понять очень просто. Он надоел мне.

– Давно?

– Уже года три.

– На что ты надеешься? Ведь сейчас ты – ближе, чем кто-либо, к самому верху. Выше уже некуда.

– А я хочу выше.

– Выше? Ты что же, метишь в Бабушки?! Но это же не реально!

– Ты не зря завёл разговор о Семье.

– Я ничего не делаю зря. Но в Бабушки метит Римовалс, ты это знаешь.

– Ты поддержишь его?

– Да. Почти до конца.

– Почти?

– До того момента, когда ему останется один шаг до цели.

– А дальше?

– Если б я не помнил наизусть твоё досье, то решил бы, что взял в постель наивную девчонку из деревушки.

– Значит – ты?

– Да.

– А я – на нынешней роли?

– Поэтому я и спросил, почему ты идёшь против Бабушки.

– Откровенность за откровенность, милый. Я невольна в себе. Мои неугомонные сёстры его терпеть не могут. Они хотят вернуть женскую власть, как это было раньше, при пер-

вой, настоящей Бабушке.

– Значит – бой с нами?

– Ты очаровательно догадлив.

– И ты пойдёшь против нас? Против меня?

– Признаться, очень не хотелось бы, но...

– И ты не была бы довольна нынешним местом? При мне, конечно.

– Я, кажется, становлюсь никудышным политиком... Может быть, это старость?

– Нет, это любовь.

– Да, да, да, да! Не просто довольна, я была бы счастлива – слышишь?! Но только – всё по-иному! К чёрту этот страх иных миров, этот застой, эту косность гнусную, эту глупую бабушкину демагогию! Геликоптеры Муана раздвинут для нас рамки мира, наша армия – сильнейшая в мире! – пойдёт на штурм новых и новых земель. Мы вооружим всех, и вооружим отлично! Мы бросим их завоёвывать другие острова! Что нам этот жалкий клочок суши! Впереди – целый мир, и мы будем властвовать над ним – ты и я!.. Но ты не зря спросил про Семью...

– Мы не члены Семьи...

– Стать ими или...?

– Или.

– Всех?

И Йердна ответил очень медленно и так уверенно, что Агни всей кожей ощутила кремневый стержень его души.

Затемнение.

КОНЕЦ КИНОСЦЕНАРИЯ

Что же это делается? А?! Ну что за бестолковщина такая, чёрт побери! Ненавижу этот праздник – 8 Марта, ох, как ненавижу! И всё почему? Из-за цветов! Что за бездельники этим делом распоряжаются?! Ох, хотел бы я их увидеть! Нет, я бы их бить не стал, я бы просто, как Райкин говорит, им в глаза посмотрел. С каждым годом всё хуже и хуже. Ведь население в Москве за год не удваивается, а цветов будто меньше и меньше. На всех перекрёстках – очереди по сто человек, на Калининском у цветочного – форменное смертоубийство. Ну а частник – наш спаситель всегдашний – на 8 марта совсем звереет! На Центральном рынке за тюльпанчик по 3 рубля берут! А?! Нет, тюльпаны роскошные, прямо выставочные (говорят, из Риги привезли), но цена! Да лет пять назад за такие деньги я бы их пук купил. А ведь берут, да ещё как – драка! Не пробиться к прилавку! Червонцы так и мелькают. Какие-то молодцы атлетического сложения в дублёнках нараспашку без очереди прут – скандал! Крики, ругань, толкотня, тычки! Ненавистный праздник... Да и было бы для кого стараться-то, если уж совсем честно. Что ей, Раисе Павловне, цветочки – ей с базы балык чуть не ящиками везут: только примите, благодетельница... Эх, жизнь полосатая! Терпи, терпи, Георгий... А если о другом говорить... Нет, человек не кузнец своего счастья. Во всяком случае, я.

А не хочется в это верить. Ведь как заманчиво звучит: «Куём мы счастья ключи...»

ЯСАВ (явь)

Нет, он не стал новым человеком. До этого ещё было далеко. Ещё не пробил чрезвычайный час, и Маятник ещё отсчитывал время старой жизни. Но уже что-то сместилось в непостижимом механизме, и он начал становиться другим.

Ясав смотрел для другого. Не для другого хозяина – эту мысль он отмёл после колебаний, но окончательно. Он подумал о другом человеке. Сначала – об Анири, потом – о Муане, потом – о многих других людях, которых знал в своей жизни. Для них дано ему зрение. Какая польза для них будет от его работы – вот как он понял тёмные слова Йердны. Ясав и сам ещё толком не разобрался в этом новом для него взгляде на жизнь, но мысль беспокойно ворочалась, требовательно напоминая о себе. И неожиданно Ясав поймал себя на том, что не облекает увиденное в привычное слова отчёта для Бабушки. Сначала он не понял себя, на мгновение испугался такого поворота дел, а потом... Странное чувство свободы охватило его. Непривычное, даже неудобное на первых порах – но удивительно лёгкое!

Он вдруг вообразил, что свободен от Бабушки и всего, что олицетворяло это имя, от всей Родни с её жестоким регламентом бытия, от всей лживой мишуры, засорявшей его ум и глаза... Ясав засмеялся, как во сне, но вдруг понял, что это

почти не сон. Это ещё не явь, но может, может стать ею.

В ту ночь, в глубине сновидения, шёл он по лесу. Лес блестя, серебряно искрился – это листья, тысячи листьев, облитые дождём, отражали скудные лучи солнца, пробившиеся сквозь тучи. Окружённый этим сверканьем, Ясав вышел к реке. Её узкое русло будто было прорублено сквозь лес: ни отмелей, ни песка – вода подходила к корням деревьев. Была осень. Жёлтые, коричневые, красные листья устилали землю, и вся река была так плотно покрыта ими, что и воды не было видно. Течение было медленным и ровным – без водоворотов и ряби – просто тихое, медленное движение. И листья плыли. Множество листьев неторопливо шли сквозь лес. Их движения напомнили Ясаву движение неисчислимой толпы за гробом. «Это хоронят осень», – подумал Ясав. Потом его мысли сплелись, смешались в неразличимую вязь, и он спал уже без сновидений.

Чур меня, чур! Зарекаюсь! Больше никаких пейзажей! Прочёл позавчерашнее – и ужаснулся! Какое убожество! Про реку, про листья – жалкие, жалкие слова. А ведь я видел всё это, и до сих пор в глазах – процессия тысяч листьев по медленной воде! Но не дано человеку выразить это, не суждено и мне.

Гёте учил: «Природа – это единственная книга, каждая страница которой полна глубокого содержания». Так зачем же списывать из этой книги, бездарно перевирая священные

слова?!

Перед строем богов и муз, покровительствующих искусству, торжественно клянусь: навсегда отказаться от попыток описать природу; изгнать с моих страниц тягомотные перечисления явлений погоды и растительного мира, а также прочих атрибутов окружающей среды; строго ограничиваться лаконичным указанием на характер местности и климатические условия, да и то только в том случае, если этого настоятельно требуют происходящие события; описывать исключительно действия и мысли героев, сосредоточив главное внимание на разработке психологии и сюжета. Если же я нарушу эту торжественную клятву, то пусть боги и музы, покровительствующие искусству, навеки отлучат меня от него. Аминь!

ЯСАВ (явь)

Ясав соскочил с телеги и вместе со стражниками пошёл вперёд по дороге, туда, где её пересекало что-то чёрное. Когда они подошли ближе, им показалось, что это просто треснули камни, которыми был выложен путь. Они приблизились вплотную. Да, камни треснули. Но не только камни: трещина образовалась в земле. Неширокая, величиной в две ладони. Но она прошла не только через дорогу, а уходила в обе стороны от неё, рассекая красноватую каменистую почву степи до горизонта.

– Ничего страшного, сушь началась, – сказал один из

стражников.

Ясав поднял небольшой камешек и бросил в трещину. Подождали минуту, но стука не услышали. Ясав бросил камень побольше – тот тоже пропал беззвучно.

– Просто дно песчаное, вот и не слышно, – уверенно объяснил тот же стражник.

– Да, конечно, – поспешно согласился Ясав.

Подложили доски, запросто переехали. Только буйволы, неразумные твари, опасливо прядали ушами и вертели тяжёлыми головами...

Часа через четыре показались пригороды Столицы.

Ах, февраль, стервец, что он с нами делает! Сейчас листал свою писанину и наткнулся на рассуждения о читателе.

Правильно в народе говорят: «Уничожение паче гордости». А у меня там всё – и униожение, и гордость неслыханная. Все, мол, быдло, а я – непонятый гений, все, мол, свињи, а я летаю над ними в неземных сферах! Ох, как стыдно, Георгий! Если никто ничего не понимает, если что взрослые, что молодые только развлекаловки хотят, то зачем ты тогда пишешь?!

Это, брат, уже болезнь! Графомания! И ведь знаешь, подлец, что врёшь, ан нет – приятно себя потоптать и тем, конечно, вознести в святые страстотерпцы. Нет, у нас читатель ой-ёй-ёй, такого ни в каких америках не сыщешь, право слово! Зашёл во вторник в нашу районную библиотеку – дево-

чек с праздником поздравить, и для интересу спросил, кого из нынешних читают. И выяснил – все наши лучшие не залёживаются, по рукам ходят! Иванов, Проскурин, Шамякин, Алексеев, Ананьев, Стаднюк – пойди, возьми их! В очередь записываются! Конечно, Семёнов там, Вайнеры, Стругацкие тоже популярны – этого не отнимешь. Но ведь человеку после трудового дня и роздых нужен. Не всё же ему серьёзные материи штудировать. Опять же занимательность в литературе – великая штука. Я тоже стараюсь сюжет развить... заинтриговать читателя – это не грех.

А ещё зачем-то на нашу молодёжь напал! Это уж совсем никуда не годится. Молодёжь – наша смена, строители светлого будущего, и это святая истина, хоть и превратили её в газетный штамп. Кто, скажем, целину освоил? Кто БАМ строит? И неправда, что только за длинным рублём едут! Это всё мещанские разговорчики. Заработать можно и больше где-нибудь на складе, или в ресторане, или в такси. Если мухлевать, конечно. Да на самой обычной стройке ребята такие деньги заколачивают – любо-дорого посмотреть! Но нашей молодёжи подавай трудности, романтику – сибирские морозы, тайгу, палатки, лишения!

И как это у тебя, Георгий, рука повернулась такое написать?! Это наверняка февральская мокрядь и хандра природы в душе слякоть развели. А пришёл солнечный март – и всё увиделось в правильном свете. Слава богу, что из всего этого только роман для печати предназначен, а остальное –

так, мысли вслух. И всё равно – стыдно; какая-то графоманская злобность проскользнула в тех строчках.

Может, и правильно Раиса Павловна и Ростик считают меня графоманом? А?

А вот и буду графоманом! Возьму и напишу в стихах. Печатали же меня в заводской многотиражке. Например, так:

Утром воспела заря пробужденье от дрёмы героя.
Встал Римовалс благородный, умылся и вышел на двор.
Зубы почистил себе драгоценною белой пудрой,
Вытер лицо полотенцем, выплюнул в тазик слюну.

Быстро примчали его шесть шлемоносцев в Квартиру,
Двери открылись пред ним, редким металлом звеня.
Знал повороты он сам и рукой отстранил провожатых,
Все коридоры прошёл, лестницы все миновал.

Потом покрылось лицо, грудь зачесалась под сбруей
(Выпить любил наш герой на ночь бетеля кувшин).
Так и вошёл Римовалс к Бабушке, трижды великой.
Важный, видать, разговор ныне ему предстоял...

Нет, не знаю, как там у Гомера обходилось, но на мой вкус скучновато. Надо поживее.

В этот день, едва проснувшись,
протерев глаза от спячки,
отрыгнув ночные ветры,

Бабушка на ложе сел.
Он сидел, правитель мудрый,
с думой крепкой и печальной,
в ожидании, когда же
принесут ему хитон.

Он сидел, слегка зевая,
но сердиться и не думал,
ибо знал он про Квартиру
больше, чем любой другой.
Может, Главный Одеватель
приголублен Домом Дружбы
за сношения с коварным
и злокозненным врагом?

Может, выкрали из шкафа
ночью все его одежды
(и такое тут случилось),
не оставив ничего?
Наконец, быть может, просто
он давно уже низложен,
и судьбу его решает
в дальней комнате Совет?

Так сидел он, а за стенкой,
словно буйный зверь, метался,
распираемый желаньем,
благородный Римовалс.
Наконец не вынес муки,

обратился к шлемоносцу:
«Отопри-ка, братец, быстро
личный Бабушкин сортир».

(В это время Одеватель
уже выбежал с хитоном:
оказалось, выбирали,
чтоб почище был хитон).
Встал тут Бабушка Великий
и за стену к Римовалсу
он прошёл, быстрее вихря,
слыша возгласы его.

Обратился он к герою:
«Дело мы начнём согласьем.
Не положено по чину,
но не буду возражать.
Эй, вы, слуги-шлемоносцы,
отоприте быстро двери,
чтоб не мучился напрасно
наш прославленный герой.
А потом, в согласие дружном,
мы рассудим наши споры...»

И сказал начальник стражи:
«Засорился ваш сортир».

ДЕЙСТВИЕ СЛЕДУЮЩЕЕ

Столица. Кабинет Бабушки в Квартире. Бабушка и Римо-

валс сидят против друг друга на торцах стола, обильно уставленного фруктами, зеленью и напитками. Время действия – за неделю до возвращения Комиссии в Столицу.

Бабушка: Угощайся, друг мой.

Римовалс: Да-да, конечно (рассеянно берёт что-то, кладёт обратно на стол)

Бабушка: Ты чем-то расстроен?

Римовалс: Нездоровится... Годы, наверное...

Бабушка: А я их вроде не чувствую. Всё дела, дела, некогда болеть.

Римовалс: Мне бы твоё здоровье.

Бабушка: Как говорится, береги это самое смолоду. А ты, помнится, не очень-то...

Римовалс: Что было – то было.

Бабушка: Ну ты слишком не расклеивайся, держи себя в руках.

Римовалс: Стараюсь...

Бабушка: Женщин, вот, не обходи. Говорят, что молодит.

Римовалс: Ах, где вы, где вы, женщины моей молодости!..

Бабушка: Не говори, ещё встречаются весьма и весьма...

Римовалс: Не знаю, не знаю...

Бабушка: Ну вот, хотя бы эта... новенькая... Анири, что ли?

Римовалс: Видел. Не в моём вкусе.

Бабушка: Ну ты скрытник! А кто шептался с ней вчера в комнатёнке за Бетелевым залом?

Римовалс: Вот уж сразу и шептался – ничего в этом доме не скроешь! Просто познакомились, поболтали...

Затемнение. Свет выхватывает другую часть сцены, где мы видим это свидание Римовалса и Анири.

Римовалс: Знаю, знаю, всё знаю, больше тебя знаю, и про твоего ребёнка, и про Ясава, и про всю эту историю... (Пауза) Тебе не кажется, что ты здорово влипла?

Анири: Да почему же?

Римовалс: Ты что – не видишь, что у нас происходит?

Анири: Что?

Римовалс: Овечка. Валсидалв и сто его сторонников убиты, архив Дома Дружбы сожжён, Семейные Советы отменены, завтра будет объявлена война... А ты...

Анири: По-моему, нормальная жизнь...

Римовалс (улыбаясь): Чувствуется наше, семейное воспитание... (Резко) Хватит притворяться! Может, ты ещё скажешь, что веришь в эту байку насчёт прощения твоего родителя?

Анири: Ну это было бы слишком...

Римовалс: Так. И дальше?

Анири: Всё я понимаю давно: баб у вас не хватает, а ба-

бушке родить надо.

Римовалс (резко): Он нравится тебе?

Анири: Ты что! Ой, я... (смутилась)

Римовалс: То-то. Дело идёт к настоящей войне. Не с каким-то Гнусным врагом, а с... Поняла?

Анири: Но мне-то что за дело?

Римовалс (издевательски): Ах, тебе нет дела! Ну ладно. Извини. (Оборачивается, будто бы уходя).

Анири: Стой. (Римовалс поворачивается к ней) Есть дело.

Римовалс: Так оно лучше. Ты уже выбрала... или всё ещё, как... цветок в проруби?

Анири: Что такое прорубь?

Римовалс: В нашем климате их не бывает, но это к делу не относится. (С нажимом) К нашему делу.

Анири: Я согласна.

Римовалс: Умница, девочка. Быть тебе... быть тебе...

Анири: Говори же.

Римовалс: Быть тебе на хорошем месте. Даже очень хорошем.

Анири: Э, да ты не виляй, раз уж на то дело пошло. (Подражая Римовалсу) Наше Дело.

Римовалс (полуобнимая её): Будь умницей до конца...

Анири: Что ты, что, мне сейчас нельзя... То есть можно, конечно, но всё-таки...

Римовалс: Я не тороплю с этим. Сначала – Дело.

Анири: Я пойду до конца.

Римовалс (теснее обнимая её): Мы пойдём вместе.

Анири: Что я должна делать?

Римовалс (начинает покрывать поцелуями её лицо, шею): Пустяки, пустяки, мелочь просто...

Анири: Римовалс, что ты делаешь?

Римовалс (продолжая): Ничего особенного, пустяки...

Анири: Нас могут увидеть.

Римовалс: Тем лучше. Подумают, что я просто решил тебя трахнуть. Совершенно естественное и вполне принятое у нас дело...

Анири: Потом, потом, давай действительно – о Деле.

Римовалс: Ах, эта материалистическая молодёжь! (Щекочет её)

Анири (смеясь): Римовалс, не дури!

Римовалс: Не обижай Бабушку.

Анири:???

Римовалс: Не отказывай нашему бедному замотанному государственным делами старичку. Ни в чём не отказывай. Даже – будь поближе к нему.

Анири: Да, да, понимаю...

Римовалс: Чудно, ты просто прелесть. Будь к нему очень-очень близко. Так близко, чтобы в нужный момент... А?

Анири: Да, да...

Римовалс: Старикашечка наш болтлив стал с годами, ну,

а ты и это тоже... Для пользы нашего Дела.

Анири: Я всё поняла.

Римовалс (снова целуя её): Ах, какая же ты прелесть... Просто чудо... Я, кажется, не удержусь всё-таки...

Затемнение. Свет снова – на Бабушку и Римовалса, которые продолжают мирную беседу.

Римовалс: Познакомились, поболтали – ну и всё. Как положено – надо же знать, кто у нас в Квартире живёт.

Бабушка: Хитрец, хитрец! Сам, небось, глаз на неё положил!

Римовалс: Куда мне с моими хворобами! Это, сдаётся, тебе подарочек...

Бабушка (с деланным возмущением): Мне?! Что ты, милый!

Римовалс (ребячливо): Покраснел, покраснел!

Бабушка: Да ну что ты, что ты...

Римовалс (Так же): Попался, попался! Ключнул на девчушку!

Бабушка: Да я и видел-то её пару раз, на приёмах.

Римовалс: Вот и соврал! Кто её сегодня утречком пораньше вызывал?

Бабушка (улыбаясь – будто сдаётся): Ну вызывал, вызывал, что уж я не человек, что ли, не мужчина...

Римовалс: Всё! За враньё с тебя фант! Та-ак... Погоди,

что-нибудь придумаю... Так – лезь на стол, вешай связку бананов на уши и кричи: «Я – старый распутник». И руками хлопай!

Бабушка (смеясь): Ах ты, негодяй, негодяй...

Лезет на стол, цепляет на голову связку бананов и кричит, хлопая руками, как крыльями:

– Я старый распутник! Я старый распутник!

Затемнение. Тревожный аккорд. Свет – на другую часть сцены, где мы видим свидание Бабушки с Анири, о котором говорил Римовалс.

Бабушка: Ну как – нравится тебе здесь?

Анири (нервно): Да, да, конечно, только...

Бабушка: Договаривай, ничего не бойся (Анири мнётся), будь откровенная со мной.

Анири: Я иногда... боюсь.

Бабушка: Да чего же, дитя моё?

Анири: Не знаю. Просто страшно... Шорохи, тени, кто-то будто следит, подслушивает...

Бабушка (С улыбкой): Какие пустяки! Я, например, совсем не замечаю этого, привык. Впрочем, для человека со стороны это и вправду может показаться... страшноватым.

Анири: Я... так боюсь... быть одна...

Бабушка (после паузы): Но ведь я... с тобой?

Анири: Так редко и так... официально.

Бабушка: Мы можем видаться чаще... Ты хочешь?

Анири (порывисто): О, я была бы так счастлива, так счастлива!

Бабушка: Я старый человек, девочка... Старый, уставший, немного грустный, немного скучный...

Анири: Неправда! Вы добрый, красивый... как настоящий мужчина... зрелый мужчина...

Бабушка (игриво): Неужели лучше Ясава?

Анири: Это совсем другое...

Бабушка: Что же?

Анири: Я вас уважаю... Люблю... как отца...

Бабушка (обнимая её): Как отца?

Анири: Да... Да...

Бабушка (медленно целует её): Боже мой... Будь осторожна.

Анири (поддаваясь ласкам): Если вы со мной...

Бабушка: Это ещё не всё. Есть и другие люди. Опасные люди...

Анири: Кто? Кто? Скажите!

Бабушка: Твой вчерашний собеседник, например.

Анири (смущена): А?

Бабушка: Да, да, Римовалс. (Резко) О чём вы говорили?

Анири: Он... он сказал, что хочет меня...

Бабушка: Ну?

Анири: Ну, это...

Бабушка: Трахнуть, что ли?

Анири: Да.

Бабушка (смеясь): Его любимое дело! Но на этом он не успокоится. Он нравится тебе?

Анири: Что вы?! Ужасно противный!

Бабушка: Посмотри мне в глаза (Анири смотрит). Не врёшь, кажется.

Анири: Как вы могли подумать?

Бабушка: А вот мог! Работа такая. (Начинает гладить её, вкрадчиво) Но ты хорошая девочка и (крепко обнимает её) чувствуешь силу... Не так ли?

Анири (в истоме): О да, да!

Бабушка: Ты просто прелесть... Но Римовалса не гони (Целует, гладит её)... не гони... будь поближе к нему... попробуй стать его поверенной... Лады? Ты ведь умница? Умница...

Анири: Для вас – всё... всё... всё...

Бабушка: Какая ты прелесть... Я, кажется, не удержусь...

Затемнение. Потом – Анири одна, у зеркала. Всё время смотрит в него.

Анири (торжественно): Друг мой, пойми меня... я – мать. Будущая мать. И ради ребёнка, нашего ребёнка, милый Ясав, я была обязана пойти на всё... Ради его будущего... Не осуждай, ты не можешь осуждать меня. Между нами всё будет по-прежнему, но ты должен понять меня... Пойми! (Меняет тон

на естественный) Не то... не то... (Охорашивается, в раздумье) Может быть... Пожалуй... (Вдруг порывисто, страстно) Наконец-то, наконец-то ты здесь! Я так ждала тебя, так ждала, любовь моя, жизнь моя! Как я счастлива, что вижу тебя! О Ясав, мой повелитель! Надежда моя! Как я страдала в тиши одиноких ночей! Слёзы покрывали моё сердце, печаль снедала моё сердце, и не было минуты, чтобы твой милый образ не стоял у меня перед глазами, мой Властелин! (Вдруг морщится с отвращением) Фу, какая дешёвка, пошлость... Нет, только не так! (Вдруг – холодно) Здравствуй, Ясав. Как съездил? Я рада. Послушай, Ясав, я должна сказать тебе одну вещь. Дело в том, что я поняла: мы оба обманывались в своих чувствах. Любовь вскружила нам головы, но это... Это было лишь сновидением! (Обычным тоном) Нет, не сновидением... (Снова продолжает репетировать) Любовь наша была мимолётной. Понимаешь? Кажется, мы охладели друг к другу? И кроме того – я встретила настоящую любовь... Не волнуйся – твоего положения в Квартире это не испортит. При случае я всегда замолвлю за тебя словечко. Расстанемся друзьями? Ну а что касается ребёнка, то ведь его всё равно возьмёт на воспитание Семейный Совет. Мы оба будем иметь к нему равный доступ – очень небольшой. Ну что ж – расстанемся без обиды. Желаю тебе счастья, Ясав (протягивает руку к зеркалу, любит себя) Да, вот так лучше всего: желаю тебе счастья, Ясав!

Освещённая узким лучом света Анири застывает посере-

дине сцены, любуясь на себя в зеркало. А по краям сцены – два луча выхватывают Бабушку и Римовалса.

Бабушка: Кто обольщал когда-нибудь так женщин?

Римовалс: Кто женщину так обольстить сумел?

Оба говорят напористо, торжествующе, резко.

Римовалс: Она моя! Но не нужна надолго!

Бабушка: Против меня был Бог, и суд, и совесть...

Римовалс: И не было друзей, чтоб мне помочь...

Бабушка: Один лишь дьявол да притворный вид!

Римовалс: Мир – и ничто. И всё ж она моя!

Бабушка: Мир – и ничто. И всё ж она моя!

Ну почему же, почему я никогда никого не соблазнил! Даже Раису Павловну не пришлось... Как-то всё само собой произошло, для меня по крайней мере. Три года разницы, да я и не первым был... Уж на что великий человек Шекспир, а судьба такая же, наверное... Не зря поговаривают, что леди Макбет по характеру – вылитая Энн Хатауэй...

Устал я. Сколько страниц отгрохал за три месяца. Сидел вечерами как проклятый, ни одного нового лица не видел. Ну теперь нагляжусь. В агитколлектив записали! А выборы в районные Советы на носу. Завтра пойду по квартирам списки сверять. Я на себя весь свой дом взял. Два подъезда, три

этажа, двадцать четыре квартиры. И ни одной Квартиры! И Бабушки ни одной, хотя бабусь хватает.

Погляжу по списку. Девятьсот шестой год, девятьсот двенадцатый. О, рекордсменка! Мария Никитична Смелкова, год рождения 1895. Как раз в той самой квартире, за стенкой... Она там старшая. А вообще состав странный. Коваленко Вера Афанасьевна, 1915-го, Богданова Надежда Афанасьевна, 1922-го, Семеновская Фаня Моисеевна, 1920-го, Свободина Татьяна Александровна, 1940-го, Крымова Мария Сергеевна, 1952-го. И ведь не коммуналка! Не квартира, а детективный роман: не поймёшь, кто кому кем приходится.

С Коваленко и Богдановой всё ясно: обе Афанасьевны, очевидно, сёстры. Крымова – наверняка чья-то дочка. Свободина, наверное, тоже. Но почему разные фамилии? Где мужики? И откуда взялась Семеновская?..

И кто из них Голос?

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА СТАРШЕГО БАТИ СРАЖЕНИЙ ХИРДИРФА, ОРДЕНОНОСЦА

(Приложение к Четвёртой Беседе в Центральных Рекреациях Дома Дружбы)

Хвала Великой Бабушке!

Особый Квинтет уже вынес мне приговор, не подлежащий обжалованию. Предатели, вы ещё пожалеете об этом! Вы побоялись отказать мне в письменных принадлежностях, и вы

побоитесь завтра, после моей казни, уничтожить материалы Бесед. Моя записка – последний вызов вам, жалкие трусы!

Я погибну, но и вы не уйдёте от Суда Великой Бабушки, величайшей деятельницы всех времён.

Я чист перед тобой, Великая Бабушка, я чист и перед судом истории, и никто не может обвинить меня в предательстве.

Более того. Я – первый полководец, ступивший на землю Каверзного Острова и вернувшийся оттуда невредимым. Потери были огромны, но зато теперь спокойствию и благоденствию Великой Родни ничто не угрожает.

Ещё раз изложу всё по порядку – так, как я изложил в официальном донесении, перехваченном интриганами, как потом повторял на каждой из Четырёх Бесед, как ни старались Сынки Дома Дружбы запутать и запугать меня.

После объявления новой Войны Гнусному Врагу я немедленно прибыл в Квартиру, зная, что я первый по очереди из Когорты Полководцев на пост Главкомандующего.

Старший брат Римовалс передал мне личное обращение Великой Бабушки. В случае успешного окончания Войны мне было милостиво обещано Малое Парадное Лицезрение Великой Бабушки с приобщением к Первичным Таинствам Семьи. Смею заметить, что всю свою многолетнюю службу я стремился к этой почести как к высшему знаку отличия.

Далее, как и положено, я собрал Дежурную Когорту Бывалых Воинов и приступил к абсолютно Добровольному На-

бору Новых Молодцов.

Великая Бабушка! Я не привык лицемерить, тем более перед лицом смерти, и должен сказать, что Всенародное Ликованье проявлялось лишь чуть обширнее, чем в прошлую Войну с Гнусным Врагом. Причиной этому – несомненно, предательские действия кого-то, приближённого к Квартире, – боги, спасите её жителей, спасите Высокородных членов Семьи! Мои Бывалые Воины, вступая в Дружбу с Новыми Молодцами, доносили мне о пагубных слухах, касающихся каких-то лиственных козней.

Меры были приняты, и Возмущённый Народ подверг справедливому наказанию некоторых отдельных отщепенцев, замеченных в Недостаточном Ликовании.

Далее, повинаясь Уставу Войны, я милостиво принял Добровольные Приношения от населения пищей и одеждой и отдал приказ выступать.

Как и всегда, на берегу, в виду Каверзного Острова, были установлены метательные орудия, дабы сокрушить Гнусного Врага. Как и всегда, Враг коварно ничем не проявлял своего присутствия.

Я действовал строго по Уставу Войны и в течение недели неустанно приказывал осыпать камнями Каверзный Остров.

На восьмой день, согласно Уставу, мной были посланы разведчики с обычными указаниями: ни в коем случае не заходя в воду, могущую быть отравленной Гнусным Врагом, внимательно обследовать взглядом берег Каверзного Остро-

ва.

Здесь я должен сознаться в легкомыслии, которое, тем не менее, привело меня к окончательной победе.

Один из разведчиков, взглядываясь во вражескую землю, обнаружил, что над линией берега возвышаются какие-то причудливые предметы зеленоватых тонов. Обнаружив это, он, от служебного рвения, упал в воду, что позволило установить: во-первых, её неотравленность, во-вторых, незначительность её количества над линией дна.

Я принял решение, Великая Бабушка! С огромным бережением, посылая вперёд лазутчиков, я начал переправу. Всё дно пролива представляет собой отнюдь не песок, а множество мелких и средних камней, составляющих сплошную массу.

Глубина нигде не превышает двух локтей.

Основываясь на этом, позволю себе повторить предложение, высказанное в официальном донесении: наше доблестное метанье камней в предыдущие Войны, из коих (камней) далеко не все долетали до Каверзного Острова, превратило когда-то глубокий пролив в отмель, вполне удобную для переправы.

Убедившись в этом окончательно, я дал приказ высадки. Тут-то и обнаружилось коварство Гнусного Врага. Весь Каверзный Остров (1 500 локтей в ширину, 3 000 локтей в длину) изрыт нашими метательными камнями. Но везде, в каждой трещине, в каждой расселине растёт трава, растут зелё-

ные кусты, есть даже несколько неповаленных и цветущих деревьев. Более того, прямо на поверхности камней, брошенных в прошлые войны, местами можно было заметить зелёный, сочный мох. Дважды я своими глазами видел молодой мох на камнях, брошенных уже моей армией: на них сохранились отметки воинских складов.

Трижды я наблюдал неизвестных мне четырёхпалых животных, и 26 раз мне доносили о птицах.

Никаких следов Гнусного Врага на Острове не обнаружилось, и это лишний раз доказывает его могущество и нашу доблесть.

Коварная хитрость и вероломство противника, без всякого предупреждения спрятавшегося или покинувшего остров, привели к следующему. Все, и Бывалые Воины, и Новые Молодцы, высадившиеся со мной на Острове, отказались мне повиноваться. Они разбрелись по Острову, не желая ни построиться, ни сделать переключку. Это было явное сумасшествие: они, например, пели песни, в которых, Прости Бабушка, нельзя было обнаружить и следа Ликованья. К чести моей сказать, я никогда даже и не слышал таких песен.

Ещё раз хочу подчеркнуть свою предусмотрительность. Ровно половина армии (115 ножей) была оставлена мной на берегу с приказом не трогаться с места трое суток, и ночью я переправился к ним с Каверзного Острова. Ввиду исключительности обстановки я позволил себе использовать Особо Секретные Камни, предназначенные, как сказано в Уста-

ве, на случай непосредственной встречи с Гнусным Врагом.

Хвала Великой Бабушке, снабдившей армию таким мощным оружием. Через час на поверхности воды нельзя было разглядеть никакого следа Каверзного Острова.

Тем же утром я приказал сняться с места, дабы случайно подплывшие к берегу трупы не смогли смутить моих воинов.

Итак, я уничтожил Каверзный Остров, Гнусный Враг или погиб в его потайных норах, или, лишённый своего пристанища, скитается по Великой Родне, где его, конечно, не стоит труда обнаружить и уничтожить.

В благодарность за это я объявлен изменником, покушающимся на власть Великой Бабушки.

Я солдат и привык рисковать жизнью, но неужели эти интриганы и предатели смогут опутать нашу прародительницу?! Я не верю в это. Правда восторжествует.

Завтра утром, перед Круглым Камнем, я крикну в глаза этим изменникам: «Да здравствует Великая Бабушка и Соединённая Родня!»

Вот последнее слово полководца Хирдирфа.

Неяркое предвечернее солнце осветило и плоские камни города, и узкие улицы из жёлтого и белого камня, и редкие запретные сады, убежища от пыли и вони города, и Квартиру (я ещё не описывал её, да и описывать не буду, пожалуй), когда члены Семьи собрались в комнате ожиданий у Большого Парадного Зала.

Стол в Зале был уже накрыт, и служители почтительно удалялись: они не могли присутствовать на Обедe, так как не были допущены к Главному Таинству Семьи – Полному Лицезрению Великой Бабушки. Когда Зал опустел, члены Семьи, девятнадцать высокороднейших лиц (недобор – Авова и Ясава не было), вошли и расселись по старшинству. Согласно Церемониалу, семнадцать мгновений они просидели молча и без движений. Это время считается оптимальным для достижения состояния глубокого внутреннего экстаза.

«Рыбец-то нынче без душка!» – тревожно думал Наимладший Зять Бабушки, самый несерьезный член Семьи Валсотявс, которого полным именем никто и не звал – а просто Тявсиком. Однако Семья – дело интимное, а в народе именем Валсотявса детей пугали. Был он Батей Пристрастных Бесед и дело своё любил изобретательно.

Достигнув состояния глубокого внутреннего экстаза, члены Семьи встали, приготовившись к появлению Бабушки. Сандаловые двери, тщательно покрашенные белой масляной краской, запахнулись, и в Зале появился Бабушка рука об руку с виновницей торжества – отменной Анири. Вслед за Бабушкой сели и все остальные.

– Милые детки! – Бабушка сиял. – Ну-ка, познакомьтесь с этой милашкой, которая опять стала полноправным членом Семьи. Уж так она мне помогла в нашем женском деле, что и сказать нет мочи. Я даже прослезилась!

Согласно Церемониала, все члены Семьи слегка просле-

зились, не переставая испытывать чувство глубокого внутреннего экстаза. Вообще всё шло, как положено.

– Кушайте, детки! – пригласил Бабушка, и каждый стал кушать на свой манер. В этом вопросе разномыслие допускалось.

Выпив для начала по маленькой рюмке питья тёмного оливкового цвета, которое и подавалось только на Парадных обедах, каждый приступил к еде, обнаруживая при этом, как говорится, свой характер и склонности, налегая кто на паштет из крокодильей печени, кто на диковинные грибы-рыжики, кто на солёный ананас, фаршированный лапшой, а кто и на милую сердцу тёртую, подгнившую тыкву.

Тявсик же, оставив без всякого внимания все эти мелочи, пристроился к рыбцу и, покамест те пили да жевали лапшу, в четверть часа с небольшим доехал его всего, так что когда Бабушка вспомнил было о рыбце и, сказавши: «А каково вам, детки, покажется вот это произведение природы», показал на него, то все увидели, что от произведения природы остался один хвост, а Тявсик, между тем, пришипился на своём дальнем краю, будто и не он, и как бы задумчиво стал тыкать ножом в какую-то сушёную маленькую рыбку. (И опять это Гоголь, Гоголь и даже более чем в прошлый раз – Гоголь, но удержаться невозможно, чтоб не списать!)

– Подождите напиваться, милые детки! – неожиданно закричал Бабушка. – Я совсем забыл! Мы же одержали Великую Победу. При наличии некоторых недостатков, – добавил

он после паузы. – Некоторое своеволие имело место. Вот и недалёковидный Хирдирф из-за него погиб... Но главное, дети, победа! Веселитесь!

И все опять стали веселиться, уже несколько вразнобой, нестройно, да и голоса стали погромче, что, впрочем, отвечало Церемониалу. Уговорив питьё оливкового цвета, перешли на зелёное, которое уже наливали побольше, не стесняясь, уже и закуски выбирались без прежнего тщания, а просто те, что стояли поближе, уже и дамы стали приятно повизгивать, ощущая блудливые прикасания соседей... И тут встал Римовалс.

– Великая Бабушка! Дорогие братья и сёстры! Этому дню, нашему замечательному празднику, предшествовала долгая и, я бы даже сказал, титаническая работа. Спасибо! Но этот день одновременно – начало большого и, я верю, прекрасного пути...

Во время этого тоста Бабушка ловил взгляды, вспыхивавшие между Римовалсом и Анири. Они не нравились ему, эти взгляды. Римовалс продолжал.

– Поясню мысль маленькой притчей. Жил-был у бабушки, у простой такой старушки, серенький такой козлик. Вздумалось козлику в лес погуляти, листочков там пожевати, всё такое прочее, – выцедил Римовалс. – И, представьте, встретил он там этакую молоденькую козочку, тоже серенькую. И привёл её в квартиру... виноват, в хижину. И стали они втроём жить-поживать да добра наживать... Вот так же, вместе, под

руководством Великой Бабушки, мы пойдём по новому прекрасному пути. Ура!

«Какой ещё новый путь», – подумал Тявсик, но закричал вместе со всеми:

– Ура!

Римовалс сел и встретился взглядом с Бабушкой. Потом произвольно оба взглянули на Анири, опять друг на друга, опять на Анири, растерянно шнырявшую глазами по залу.

«Предаст», – подумал Римовалс. «Предала», – подумал Бабушка. И они снова обменялись взглядами, в которых Анири могла бы прочесть свой смертный приговор, не будь она такой самонадеянной и опрометчивой интриганкой...

– Поди, отдохни, милашка, – ласково сказал Бабушка Анири, показывая рукой на дверь, ведущую в выделенные ей покои. – В твоём положении не стоит здесь засиживаться. Сейчас такое начнётся!..

И началось. Согласно Церемониалу, части неофициальной.

Не только пошла игра в фанты с раздеванием, не только проигравшие Бабушка и Римовалс, голые, отплясывали канкан на столе, сшибая бутылки и заливая разноцветными напитками прикорнувших на полу, не только Тявсик, будучи в ударе, ползал вокруг стола, изображая знаменитого рыбака, для чего оставшийся хвост оного воткнул себе в надлежащее место... Было не только это, но и многое, многое другое, что длилось бы долго, если б не было пределов естеству челове-

ческому... В конце концов, все заснули вповалку, как всегда в таких случаях. Но, что бывало крайне редко, двое из пировавших лишь изображали сон. В темноте, таясь друг от друга, выскользнули через разные двери Бабушка и Римовалс.

Быстро, но стараясь не производить шума, они пробирались по Квартире, каждый своим путём, но к одной цели – к комнате Анири.

Бабушка открыл восточную дверь в покои на мгновение раньше, чем Римовалс.

– Драться не будем? – тихо спросил Римовалс с усмешкой, увидев Бабушку.

– Если и будем, то не теперь. Посмотри.

И только тут Римовалс заметил распростёртое посреди комнаты тело Анири. Ни ран, ни крови – спокойная, даже умиротворённая улыбка застыла на её мёртвом лице.

В эту ночь в Столице умерли все недавно родившие женщины.

А вот и ещё стихи. И в них, как водится, новый, совершенно неожиданный взгляд на события.

xxx

Кто жил и мыслил, тот не может
Героев наших осудить.

Пусть Римовалса зависть гложет
Великой Бабушкой прослыть.

Пусть Бабушка рукой неверной

Поступок совершает скверный...
В глаза – великих благ сулят,
А за спиной готовят яд.
К чему, спросите, их интриги,
Зачем, узнайте, их обман.
Что власть? – Мираж, дурной туман,
И тяжелы её вериги.
Зачем же рвутся к ней сейчас? —
Всё дело в лечащих врачах.

XXX

Мы все стареем понемногу,
Шалит желудок, почки врут,
Но Бабушке-то, слава богу,
Подохнуть сразу не дадут.
Он сам не достаёт лекарства,
Не нужно мелкого коварства,
Чтоб записаться на приём:
Все лучшие врачи при нём.
А Римовалс? – Ещё не старый,
Но дальновидный, как жираф, —
Он тоже хочет высших прав,
Чтоб возраста смягчить удары.
Вот вам разгадка всех интриг.
Не осуждайте, люди, их.

– Ну ладно, налей ещё. Нет, бетеля больше не нужно. Не люблю мешать. Говоришь, уже намешал? Хе-хе, это ты вер-

но. Но и то сказать – работа собачья... Так, со стороны-то, шлемоносец, оно, вроде бы, почётно... А какой там почёт? 15 танталов в месяц и жратва казённая... Выпить-то не на что... Что? Ну – сегодня! Сегодня дело особое... Заработал... А вот не скажу, как! Ишь ты, чего захотел! Никогда ещё Лорф секретов не выдавал. Ну чёрт с тобой, давай ещё... Давай, что ли, и бетеля немножко. Ну – эх, пошло, поехало, поплыло по жилам!.. Тебя-то как зовут? А, всё равно не запомню... Чего трубят-то? А ты послушай, послушай! То-то, покушение на Бабушку, видал, а?! Что делают, гады?! Всё им мало, говорунам проклятым!.. Чего было сегодня, ох, чего было!.. Н-да, ну, твоё здоровье!.. Так вот, слушай, только смотри – тс-с, никому, чтоб никак, а то, знаешь – раз-два и всё!.. Сегодня я на часах стоял. Где, где?! В Квартире, конечно! Да не бойся, не бойся, я тихо. Ну вот – стою я на часах. Не один, конечно, я ведь, не шути, начальник смены. Ещё со мной двенадцать балбесов – вот вроде тебя... Да ты не обижайся, слушай! Стоят, значит, по четверо, остальные отдыхают, ну а я так – посты проверяю. Ну это, конечно, всё тайна, но ты вроде парень хороший, ладно уж... Так вот, я как раз спать собирался пойти – ночь, время спокойное, никто не шастает ни вокруг, ни около. Тут слышу – звоночек сигнальный... Вот тебе чем хочешь клянусь: 10 лет прослужил, никогда он при мне не звонил. Знаешь, откуда? От самой... Ну, понял? Я – что, я пошёл, дверь там такая, ну вот ничего особенного, дверь как дверь... Стучусь. Вхожу, значит. Бо-

юсь, конечно, но виду не подаю. Смотрю, сидит в кресле старичок лысенький, тихенький такой. «Я, – говорит, – к вам с порученьем. От неё...» (Это он мне-то на «вы», понял?) Я, конечно, вытянулся, стою. «Знаете, – говорит, – дружок, сегодня на неё покушение будет». – «Как так?» – «А вот так. Есть, – говорит, – у нас ещё нехорошие людишки. Вы как на это смотрите?» Ну, у меня и слов-то не было. Он на меня посмотрел внимательно и продолжает: «Вы не беспокойтесь, всё уже предусмотрено, от вас только одно требуется: схватить. Сможете?» «Так точно!» – говорю. «Вот вам тридцать танталов, но – молчок. И с собой никого брать пока не нужно, шум-то лишний ни к чему...» Иду с ним, две комнаты прошли, в третью дверь открываем – глянь, там человек пятнадцать, и все с бляхами золотыми, я так и обалдел. А старичок этот и говорит: «Вот видите, простой шлемоносец приходит, докладывает – будьте все свидетелями... Правда?» – тут он ко мне оборачивается и вроде бы подмигивает. «Истинная правда», – говорю, потому что тридцать танталов-то уже в кармане. Все зашумели, заговорили – где же они, галдят. «Сейчас увидите», – говорит старичок, идёт с ними обратно, открывает какой-то чуланчик, а в нём человек лежит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.